

The poster depicts a dramatic, apocalyptic scene. In the foreground, three figures are seen from behind, walking away from the viewer. On the left and right are men in full tactical combat gear, including helmets and vests, each carrying a rifle. Between them is a woman with long dark hair, wearing a dark, form-fitting top and pants. They are walking on a dark, reflective surface that appears to be water or a wet, cracked ground. The background is a fiery, orange-red landscape with smoke and fire rising from the ground. In the distance, the silhouettes of industrial structures and a large, dark, gothic-style building are visible. Dominating the upper center of the sky is a massive, glowing red sun or moon, partially obscured by dark, swirling clouds. The overall color palette is dominated by fiery oranges, reds, and dark greys, creating a sense of danger and urgency.

НАТИ СМОЛЬНИКОВА

**ИСХОД МИРА
ГОЛГОФА НАШЕЙ
МОЛОДОСТИ**

Нати Смольникова

**Исход Мира. Голгофа
Нашей Молодости**

«Литнет»

2025

Смольникова Н.

Исход Мира. Голгофа Нашей Молодости / Н. Смольникова —
«Литнет», 2025

♥#Вашему вниманию предлагается буктрейлер к книге, призванный погрузить вас в ее мир и познакомить с историей, воплощенной на страницах Канкун встречал меня жарким солнцем и побережьем Карибского моря на полуострове Юкатан в туристической зоне Ривьера Майя. Александр и Дмитрий должны были приехать сюда из своих стран на очень серьезный разговор. Страна разрушалась на наших глазах и требовалось принимать окончательное решение. Последний разговор с мамой меня сильно напряг. У парней дома тоже творилось что-то неладное. Центр молчал... Оглушительно. Мы, верой и правдой служившие Отчизне, оказались выброшены за борт с крушением Союза. Теперь, оставив позади карьеру во внешней разведке, мы возвращались в роковой октябрь 1993 года, пытаюсь понять, осмыслить, решить – как жить дальше. Знали бы мы, с каким кошмаром нам предстоит столкнуться... В книге вы встретите: - разведка и банды 90-х годов - сложные отношения - жестокость времени, любовь и дружба - новая жизнь в старом мире - политика и судьбы людейМой дорогой Читатель! Окунитесь в мир этой истории! Не забудьте зажечь звезду, одарить книгу своим "Нравится" и приютить ее в своей библиотеке!♥#

© Смольникова Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	24
ГЛАВА 8	29
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	38
ГЛАВА 11	43
ГЛАВА 12	48
ГЛАВА 13	54
ГЛАВА 14	57
ГЛАВА 15	60
ГЛАВА 16	63
ГЛАВА 17	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ГЛАВА 1

Канкун встречал меня жарким солнцем и побережьем Карибского моря на полуострове Юкатан в туристической зоне Ривьера Майя. Здесь, в этом туристическом раю, мы должны были встретиться с Александром и Дмитрием, прилетевшими из разных концов света, чтобы сделать непростой выбор. Наша родина трещала по швам, рушилась, словно карточный домик, и требовалось принять серьезные решения.

Тяжёлый разговор с матерью накануне лишь добавил тревоги. Судя по обрывкам фраз, и дома у парней творилось что-то неладное. Чувство неотвратимости нарастало – нам пора было возвращаться.

Пока самолёт медленно катил к терминалу, я смотрела в иллюминатор, и память уносила меня на три года назад, когда мы, выпускники "лесной школы", покидали бушующий СССР, разъезжаясь по разным уголкам мира, куда забросила нас судьба и распределение.

Тогда, в далёком 1990-м, мы, отличники, смеялись над моей удачей – идеальное произношение и владение английским языком открывало мне двери в новый мир. И действительно, три года в Штатах, в нашем посольстве, прошли не зря. Собранные мной военные протоколы и сведения, словно зловещее эхо холодной войны, свидетельствовали об одном: несмотря на видимость потепления, отношение США к нам не изменилось.

Шум двигателей стих, и салон наполнился гулом оживленных голосов. Я вышла из самолета, и жаркий, влажный воздух Канкуна окутал меня, словно теплый плед.

Зарегистрировавшись в отеле и заселившись в номер, я набрала номер стойки регистрации, уже предвкушая, как закажу билеты на ночное шоу – место, где можно раствориться в оглушительном шуме и спокойно поговорить. Пока решение о возвращении домой висело в воздухе, легенду требовалось поддерживать, и ночные клубы с их пестрыми шоу казались идеальным прикрытием.

В номере раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышала знакомый, корявый английский:

– Привет, малышка. Вечеринка в «Кристалле». Билет доставит посыльный.

Я положила трубку и откинулась в кресле. Разведка на то и разведка, что наши мысли текли в одном русле. В ожидании посыльного я достала из сумки маленькое черное платье, которое всегда брала с собой в поездки. Оно было универсальным – подходило и для званого ужина, и для танцев до утра. Нанесла легкий макияж, подчеркнув глаза, и распустила волосы, придав им небрежный вид. Важно было выглядеть так, словно я действительно собираюсь провести вечер в ночном клубе.

Стук в дверь прозвучал неожиданно, хотя я и ждала его. Открыв, я увидела молодого человека в униформе отеля с конвертом в руках. Он протянул его мне, пробормотав что-то о комплиментах от отеля. Я забрала конверт, положила ему в руки пару долларов и закрыла дверь. Внутри лежал билет на шоу в «Кристалле» и небольшая записка на английском: «Встретимся у бара в полночь».

Подчерк Дмитрия узнавался мной сразу. Я усмехнулась. Он всегда был таким – немногословным и предельно осторожным. В полночь, значит в полночь. У меня было еще несколько часов, чтобы подготовиться. Я проверила ножи, убедилась, что они надежно спрятаны под платьем на внутренней стороне бедра, и вышла из номера.

Прогулявшись по отелю, я осмотрела окрестности, запоминая лица и детали. В холле было много людей, в основном туристы и бизнесмены. Ничего подозрительного. Я зашла в бар, заказала напиток. Время тянулось медленно. Наконец, стрелки часов приблизились к полуночи. Я расплатилась и направилась к ночному клубу «Кристалл».

Пробираясь сквозь толпу в главном зале, я сразу выхватила взглядом Александра и Дмитрия, стоявших в разных сторонах танцпола. Их лица, осунувшиеся и повзрослевшие, хранили отпечаток той же тревоги, что терзала и меня. Танцпол бурлил в полумраке, заполненный силуэтами танцующих, а дискотечное свечение выхватывало из темноты лишь фрагменты пространства, словно подчеркивая общую неопределенность.

Александр, заметив мой взгляд, кивнул и пробился ко мне сквозь танцующих. Дмитрий на расстоянии последовал за ним, держа в руке стакан с какой-то мутной жидкостью.

– Рад тебя видеть, малышка, – наигранно произнес Александр, продолжая легенду случайной встречи молодых людей для приятного времяпрепровождения.

– И я рада, – ответила я, чувствуя, как напряжение немного спадает.

Дмитрий сделал большой глоток из своего стакана и сказал:

– Пойдемте вон в тот темный уголок. Я проверил. Слежки нет.

Объятия были короткими, а слова – сдержанными. Мы понимали друг друга без лишних объяснений. Продружив все три года своего дополнительного обучения, мы досконально знали друг друга. Уединившись, сразу приступили к делу. Дмитрий, осевший в Соединенном королевстве, рассказал о растущем недовольстве, о страхе перед неопределенностью. Александр, работавший в Восточной Европе, говорил о потерянных связях с родиной, о чувстве вины перед оставшимися там близкими.

Каждый из нас, несмотря на относительный успех в новой жизни, чувствовал себя оторванным от корней, вырванным из привычной среды. Главным вопросом оставалось – что делать? Вернуться и попытаться что-то изменить, рискуя всем, что мы построили за эти годы? Или остаться и наблюдать за происходящим издалека, терзаясь чувством беспомощности? Единого мнения не было. Каждый понимал, что от принятого решения зависит не только наша судьба, но и, возможно, судьба нашей страны.

Разговор тянулся, словно вязкая патока, заполняя позднюю ночь обрывками фраз, искрами споров и туманными воспоминаниями. Все смешалось в густой, сумбурный поток, грозя утопить в себе остатки разума. В конце концов, обессиленные, мы решили отложить окончательный вердикт до рассвета, дать уставшим мыслям передышку. Но я нутром чувствовала: какое бы решение мы ни приняли, этот выбор навсегда останется с нами, словно заноза, впившаяся глубоко под кожу.

Тайком, словно воры в ночи, мы покинули огни ночного клуба, преобразившись с помощью вещей из рюкзака Дмитрия. Будто тени, скользили прочь из туристической зоны.

Наутро, рассекая лазурные волны на наемной лодке, мы приближались к острову Исла Мухерес, к нашему общему убежищу. В прошлом году купленный нами дом, припрятанный на черный день, находился на тихом острове между россыпью вилл, словно забытый богом уголок, который редко привлекал толпы туристов.

Солнце приветливо пригревало, обещая безмятежный день, но тревога, поселившаяся глубоко внутри, не позволяла расслабиться. Мы все понимали: побег не решит проблем, он лишь даст нам время. Время собраться с мыслями, взвесить все "за" и "против", и принять то самое решение, которое изменит наши жизни навсегда.

Остров встретил нас тишиной и умиротворением. Белоснежные домики утопали в буйной зелени, а ласковый шепот моря успокаивал израненные души. Мы ступили на мелкий желто-белый песок, словно на новую землю, оставляя позади суету и опасности.

Вилла, спрятанная в глубине сада, ждала нас, словно верный друг, готовый предоставить убежище и покой. Внутри царил утренний полумрак и прохлада. Пыль, осевшая на мебели, свидетельствовала о нашем долгом отсутствии. Мы молча разошлись по комнатам и легли наконец-то выспаться.

Весь день никто не выходил и только вечером, собравшись на террасе, мы долго смотрели на закат, окрасивший небо в багряные тона. Слова не шли, да и нужны ли они были? Мы и

так все понимали, чувствовали кожей, читали в глазах друг друга. Впереди – неизвестность, и лишь совместное решение сможет осветить наш путь, вывести из этого лабиринта лжи и страха. Но какое это будет решение? И какую цену нам придется заплатить?

ГЛАВА 2

Хмурый Александр молчал и ушел в себя. Он о чем-то размышлял и явно не готов был пока рассказывать. Дмитрий же, напротив, пристально смотрел на меня, как будто изучая заново.

– Дим, а чего ты на меня так пялишься? У тебя есть ко мне какие-то вопросы? – я решила пойти напрямик, потому что с этими парнями я могла себе это позволить.

Он в ответ только мило улыбнулся и сказал:

– Наташка, давай останемся здесь. Заведем себе детей и будем наслаждаться жизнью. Что-то я устал переживать. Мне уже тридцать два года. Я хочу семью. Наша страна съехала с рельсов. Мы ей больше не нужны. Возвращаться – это значит нажать себе проблем. Ты же видела, что там творится?! Союз рухнул, а новая формация политиков разворачивает страну.

Это предложение было крайне неожиданным для меня. Дмитрий никогда не говорил со мной о любви и семье.

– Дим, тебе так просто отказаться, потому что у тебя там никого нет. А у нас с Сашкой семьи под ударом. Нам в любом случае необходимо вернуться, чтобы разобраться в ситуации на месте, – уверенно ответила ему.

– Не права ты, моя дорогая. У меня там родня побольше твоей будет. Весь детдом – моя семья, – засмеявшись, ответил мне друг. – Так что пойдешь за меня замуж?

– Хватит бросаться из крайности в крайность. Давайте по делу. Саш, ты чего молчишь? – резко закрыла я неприятную мне шутку Димки.

Александр перевел на нас тяжелый взгляд, в котором клубилась боль.

– Мне по-любому возвращаться. Не знаю, что будет дальше, но мне срочно нужно туда. Мать говорит, что какие-то придурки наехали на маленький бизнес отца. Это же надо! Мой отец, ярый коммунист, завел себе магазинчик! Никогда бы не поверил. Но мать говорит, что нужно было на что-то жить. Вот он и занялся какими-то шмотками. И по Ольге я соскучился, – задумчиво и медленно отвечал он.

– Так ещё бы Сане не нужно было туда! У него там жена! – с энтузиазмом подхватил Димка. – Я вот тоже решил обзавестись семьей, а ты, Наташка, не хочешь!

– Дим, хватит уже шутить. Не смешно! – резко одернула я его.

Его дурацкие шутки сейчас раздражали меня до зубовного скрежета. Дмитрий всегда был ироничным оптимистом, юмор для него был как броня, выработанная годами жизни в детдоме, способ защититься от моральных потрясений.

Будучи абсолютно свободным от каких-либо обязательств, кроме присяги, данной Родине, он всегда серьезно относился к делу. Вальяжный и расслабленный на вид, он никогда не позволял никому устанавливать для себя рамки.

Его мозг работал с точностью часового механизма, молниеносно анализируя ситуацию, в чем ему не было равных на нашем курсе. Димку вполне можно было назвать красавчиком, потому что его подтянутое тело, средний рост и брутальность, проступающая сквозь черты лица, выдавали в нем мужчину, закаленного жизнью. Он в совершенстве владел английским и немецким языками, весьма хорошо итальянским.

Однако, эта внешняя непринужденность обманчива. За маской весельчака скрывался человек с глубокой душевной организацией и дисциплиной. Он умел сочувствовать чужой боли, был готов подставить плечо в трудную минуту, даже если это шло вразрез с его собственными интересами. Эта черта характера, возможно, и не была заметна при первом знакомстве, но нам, кому посчастливилось узнать его ближе, ценили ее превыше всего.

Дмитрий не любил говорить о своем прошлом, предпочитая жить настоящим и строить планы на будущее. Детский дом оставил свой отпечаток, но не сломил его дух. Он научился

быть самостоятельным, ценить дружбу и не рассчитывать на чужую помощь. Эта закалка помогла ему в службе, где он быстро завоевал авторитет и легко сходился с людьми.

Он был не из тех, кто рвется в карьерный рост, предпочитая оставаться в тени. Главным для него было честное выполнение долга и чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы. Димка не гнался за славой, но его имя всегда было на хорошем счету у начальства. Его ценили за профессионализм, ответственность и умение находить выход из самых сложных ситуаций.

Сашка же был его полной противоположностью. Всегда сосредоточенный и собранный, жесткий, а временами и жестокий, он сочетал в себе физическую силу и глубокую духовность. Родина и семья для него были высшими ценностями.

В отличие от Дмитрия, он был человеком, чья жизнь всегда была выстроена по четким, незыблемым принципам. Его взгляд, прямой и пронизательный, казалось, видел насквозь, оценивая каждую деталь, каждую потенциальную угрозу. В нем не было и тени той легкости, что так присуща Димке.

Сашка – это воплощение дисциплины тела и ума, его движения отточены профессиональным боксом и службой в ВДВ, а слова – всегда весомы и обдуманно. Он не искал легких путей, предпочитая преодолевать трудности атакой, прибегая к хитростям. Саша весьма сносно владел английским, но его коньком были языки Восточной Европы, которыми он жонглировал идеально.

Их различия, однако, не мешали им находить общий язык. Напротив, они дополняли друг друга, создавая уникальный тандем. Там, где Дмитрий мог найти нестандартное, порой даже рискованное решение, Сашка обеспечивал надежность и основательность, проверяя каждый шаг на прочность.

В их совместной работе, где требовалась не только острота ума, но и железная воля, они были непобедимы. Дмитрий мог разрядить напряженную обстановку шуткой, а Сашка – одним своим присутствием вселить уверенность в успех. Их дружба, зародившаяся в суровых условиях «лесной школы», была построена на взаимном уважении и понимании. Они видели друг в друге не соперников, а партнеров, каждый из которых обладал уникальными качествами, необходимыми для достижения общей цели.

Дмитрий ценил в Сашке его непоколебимую верность идеалам и готовность идти до конца, даже когда все остальные готовы были сдать. Сашка же, в свою очередь, восхищался способностью Дмитрия находить свет даже в самой кромешной тьме, его умением сохранять человечность в самых бесчеловечных условиях.

Их пути, хоть и шли параллельно, но всегда отражали разные способы достижения успеха. Оба они, каждый по-своему, служили Родине с полной отдачей, руководствуясь внутренним компасом чести и долга. Вот и сейчас Сашка жил настоящим, с болью смотря на свою страну.

– Друзья мои, ещё задолго до девяносто первого года они упустили страну. Тогда уже в Советском Союзе сложилась крайне напряженная внутриполитическая обстановка. Эти реформы, начатые в рамках перестройки, привели к глубоким экономическим, социальным и межнациональным кризисам. Изменения кардинально повлияли на мировоззрение миллионов наших людей, которые еще недавно воспринимали себя как единое целое – советский народ. КГБ, включая нашу внешнюю разведку, был осведомлен о надвигающихся переменах. Мы все неоднократно предупреждали руководство страны о возможных потрясениях, однако эти сигналы либо игнорировались, либо намеренно не принимались во внимание. Я провел анализ событий, развернувшихся в Москве во второй половине девяносто первого года, и сделал вывод о спланированном процессе демонтажа Советского Союза, – сурово говорил Сашка.

– Это мы тоже уже поняли, друг. Вопрос: что теперь делать нам? На Западе все эти годы с удовлетворением наблюдают за идущими геополитическими сдвигами, связанными с распа-

дом советской сверхдержавы. Они кипятком ссут от радости. Мы сейчас должны подумать, что делать нам, тем, кто попал в сложнейшее положение, кто посвятил свою жизнь служению государственным интересам Союза, и в особенности тем, кто работает «в поле». То есть мы в данный момент должны подумать о себе, – уверенно ответил Дима. – Это мы оказались за бортом! Это мы теперь, как говно в проруби!

Обычно Дима находился всегда в хорошем настроении духа, но сейчас он был крайне зол и, казалось, даже растерян.

– Да, Димка, просрали они страну. Еще в августе 91-го делали попытку стабилизировать ситуацию и ввели режим чрезвычайного положения, но это изначально было обречено на провал. У них в высшем политическом руководстве не было единства в понимании всех последствий грядущей катастрофы. Тогда не нашлось настоящего лидера, способного вывести страну из глубочайшего политического кризиса. Это ж надо докатиться до такого, чтобы принятие решений по нашей стране сместилось из Кремля в... Тьфу, противно даже говорить – в посольство США в Москве! – возмущался Сашка, практически уже плюясь от гнева.

– А все дальнейшее происходило по уже заранее согласованному с заокеанскими консультантами сценарию. Я понял, что мы попали ногами в жир и дома, и на работе, когда под радостные визги толпы с пьедестала на Лубянке снесли памятник Дзержинскому. В королевстве все СМИ освещали это событие и радовались, – тихо констатировал факт Дима.

– Да, это освещалось во всех мировых СМИ, – сказала я. – Еще бы! В СССР произошла революция, их мать за ногу! Сердце тогда кровью обливалось. Вообще не понимала, что будет дальше.

– Вот и позволили США стать единоличным хозяином в мире, – закончил Сашка. – Я уж не знаю, предали или нет, но точно тупо просрали свою страну.

Он сидел и смотрел в одну точку.

– Мне возвращаться в Восточную Европу смысла нет никакого. Наших всех поувольняли. Там теперь правят американские спецслужбы. Они еще в конце 80-х годов разработали свой сценарий по развалу служб тех стран, где прогнозировались западные революции. Вот и создали сейчас новые структуры, которые теперь работают под колпаком западных консультантов. Так что я в принципе свободен, – продолжил Саша.

– А я устала держать этот прессинг. Сейчас давление на разведку слишком гнетущее как извне, так и внутри нашей страны. Не все выдерживают. Я знаю многих, кто уже ушли на вольные хлеба за последние два года. Потеряли веру в свою нужность стране. Оно и понятно, у политиков новый тезис – разведка не нужна, мы теперь дружим с Западом! – тихо ответила я. – Поехали бы вы со мной или нет, но рапорт я уже подала. Так что свободна!

– Поэтому я и предлагаю вывести ваши семьи и ждать. Будем анализировать, что дальше, – уверенно сказал Дима. – Я тоже свободен. В Москве подам.

– Значит, едем домой? – с надеждой спросил Саша.

Все удовлетворительно кивнули, понимая, что другого выхода просто нет.

– Мы честно служили своей стране, но стали не нужны. Наша совесть чиста. Отныне страна хлебнет, но, видимо, это ее судьба, – твердо, но с болью в сердце ответила я. – Там будем решать, оставаться или покидать ее до лучших времен. По месту увидим!

Согласие вновь отразилось в глазах моих друзей. В этот момент мы осознали, что, несмотря на все сложности, мы все еще дружная команда. И вместе мы сможем преодолеть любые преграды.

ГЛАВА 3

Солнце зашло за горизонт. Решение о возвращении домой было принято. Мы сидели на шершавых каменных валунах и смотрели на бирюзовый цвет морской воды, местами переходящий в малахитовый.

– Мой желудок затянул марш. Пошли в тот местный ресторанчик? Там прекрасно готовили лангустинов и тако в прошлом году, – предложил Дима.

Почувствовала, как мой пустой желудок завибрировал ему в ответ. Я улыбнулась, предвкушая вкусный ужин.

– Идемте, – ответила я, поднимаясь с камня.

Холод от природного камня пробрал сквозь тонкую ткань шорт, напоминая о близости ночи. Вместе мы направились в сторону небольшого ресторанчика, чьи огоньки уютно мерцали вдали. С каждым шагом запах жареной рыбы и специй становился все отчетливее, разжигая аппетит.

Вскоре мы оказались у входа. Ресторанчик, казалось, немного изменился, но в целом сохранил свой неповторимый уютный шарм. Небольшая терраса и столики, размещенные на деревянном настиле под большим синим тентом, стояли прямо у моря. Приветливый хозяин, радушно встречающий гостей, посмотрел на нас и улыбнулся, показывая на свободные места.

Мы заняли столик у самого края террасы, откуда открывался захватывающий вид на темнеющее в ночи море. Заказав лангустов и тако, соус сальса и легкие салаты, мы погрузились в неспешную беседу. Звуки музыки, доносившиеся из основного ресторана, смешивались с шумом волн, создавая неповторимую атмосферу умиротворения и безмятежности.

– Мы возьмем текилу, а ты? – спросил Дима меня.

– Их Маргариту, – сухо ответила я, едва сдерживая свой голод. – В прошлый раз меня впечатлил её размер и прекрасный вкус.

– Еще бы! Маргарита в литровом бокале. Это было круто, – засмеялся Дима, удаляясь к бару.

Когда принесли заказ, мы с парнями обменялись многозначительными взглядами. Лангустины выглядели еще более аппетитно, чем в наших воспоминаниях, а гора из тако с разнообразными морепродуктами источала соблазнительный аромат. И мы, не теряя ни минуты, приступили к ужину, наслаждаясь каждым кусочком, каждым глотком, каждым мгновением этого чудесного вечера.

Закончив с едой, мы абсолютно довольные наполненностью своих желудков откинулись на спинки стульев.

– Наташ, мы полетим через Ларнаку. Я недавно купил дом в Ороклини. Там кое-что необходимо забрать, – спокойно сказал Саша.

– Документы там? – вполголоса спросил Дима.

Саша утвердительно кивнул, и тема на этом была закрыта. Значит, он позаботился, чтобы всё необходимое, включая новые документы, на всякий случай, мы взяли с собой в родную страну. Закончив с напитками, мы медленно побрели в сторону нашего дома.

– Ты считаешь, что дома нам понадобятся вторые документы? – с тревогой спросила я. – Там так всё плохо?

– И третьи, и четвертые. Увидим, что пригодится. Но там всё непросто, – ответил Саша.

– Ты должна понять, что мы уехали из Союза, а возвращаемся в Россию. Вас не было ни каких-то три года. Вас не было дома уже три года. Основных, чтобы страна стала другой. Это я два раза в год бывал у своих, потому что мне рядом. Наведывался к жене и родителям. Видел, как быстро менялась страна и люди. А вас с Димкой в стране не было целых три года! Дома то у себя сколько ты не была?

– Считай, три в Штатах и три с плюсом пока училась, – с грустью вспомнив маму, ответила ему.

– Вот и я об этом! Ты не была в своем родном городе почти семь лет. По нынешним временам это много, – задумчиво произнес Саша.

Что такого могло произойти с людьми всего за три года? Я почувствовала всепоглощающую тревогу, смотря на друга, задумчивость которого мне не нравилась. Насколько мог измениться небольшой городок в Подмосковье, где я когда-то жила и закончила школу с золотой медалью? После чего с большим трудом поступила на факультет международных экономических отношений в МГИМО. Экзамены были не сложные, а вот подать документы было совсем не просто. Сначала требовалось получить рекомендацию комсомольской организации школы, потом районного комитета комсомола и, наконец, районного комитета КПСС. На каждом этапе собирались важные комиссии, где задавали вопросы на знание внутренней и внешней политики страны и международной обстановки.

Именно оттуда, с пятого курса, я была приглашена на беседу и тестирование, а в последующем направлена в «лесную школу» внешней разведки, где встретила своих друзей Сашу и Диму, с которыми дальше мы вместе прошли три года обучения. Что нас сдружило? Многое! Разные были ситуации, в которых ковалась наша дружба, проходя проверку. Но основное – мы полностью дополняли друг друга. Казалось, что мы сделаны из одного теста. Расстались только после распределения, но всегда тайно поддерживали отношения.

За этими мыслями мы медленно подошли к дому, прислушиваясь. Все было спокойно, ни лишних звуков, ни запахов. Только обычный морской бриз и аромат местных растений. Запоминать и проверять всё стало уже неотъемлемой частью нашей жизни и происходило автоматически на подсознании.

Войдя, мы разошлись по своим комнатам и легли спать. Но что-то внутри меня поворачивалось и тревожило уже не на шутку, не давая спокойно уснуть. То ли меня смущала задумчивость Саши, то ли мамин голос, когда она, директор школы, говорила о том, что времена настали тяжелые и дети совершенно изменились. Волевым решением отодвинув все мешающие мне мысли, я приказала себе спать, закрыла глаза и отключилась.

ГЛАВА 4

В осознанной решимости мы покинули Мексику. На сердце была радость от пришедшего понимания, что мы все же летим домой. Кипр встретил нас солнцем и морем, которые обняли теплом и светом. Вдохнув аромат соли и свежести, мы ощутили, как все тревоги и заботы остались позади, потому что самое непростое решение в своей жизни нами было принято окончательно – мы все покидали родную разведку.

Поселились в доме Саши, где с балкона открывался великолепный вид на уютный, почти домашний поселок Ороклини с выходом на Ларнакский залив Средиземного моря. Время здесь словно замедлилось, и каждый момент хотелось запечатлеть в памяти.

Мы решили отправиться на прогулку по набережной, наслаждаясь звуками прибоя и легким ветерком, который приносил с собой запахи кипрской кухни. Солнце постепенно клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и золотые оттенки.

Сели в одном из множества местных ресторанчиков, где нам подали свежие морепродукты и традиционную для этой страны мусаку. Вкус еды напомнил о теплоте и радушии этого места. Коренные киприоты – славные и добродушные люди! Я любила бывать в этой замечательной теплой стране и всегда уезжала глубоко и высоко в горы Троодоса, в древний монастырь Киккос.

– Будем ждать два дня, – сказал Саша. – Он привезет остальную часть документов.

– Я предлагаю провести время с пользой и посетить Церковь Лазаря, а затем отправиться в Киккос. Останемся там в каменных кельях на ночь. Я договарюсь, – предложила парням, видя, как с каждым моим словом они согласно кивают.

– Я бы удивился, если бы ты это не предложила, – улыбаясь ответил Димка.

На следующий день мы шагали по набережной Финикудес, сворачивая на узкие петляющие улочки Ларнаки в сторону Церкви Святого Лазаря. В самом сердце древней церкви, в полумраке подземелья, покоилась каменная гробница, хранящая сакральную надпись: «Лазарь, друг Христа». Здесь, казалось, сама тишина дышала многими веками истории и чувствовался дух времени, а в тени напольных камней неторопливо бил ключом чистейший святой источник, даря людям надежду.

Вера в себя и наше общее дело была непоколебима, но в этом месте, пропитанном историей и молитвами, мы просили у Святого мудрости и сил. Молили укрепить нас на выбранном нелегком пути, помочь принимать верные решения и не потерять себя в вихре предстоящих испытаний.

После того как мы провели некоторое время в тишине и размышлениях, вышли на солнечную улицу, полную ярких красок и звуков. Воздух был наполнен ароматами свежей выпечки из местных кондитерских.

Мы арендовали автомобиль и выдвинулись в сторону горного массива, направляясь в Киккос. Удаляясь от шума побережья в горы, где смешанный плотный величественный лес хвойных и широколиственных деревьев вставал серьезной преградой на пути, и лишь одинокая узкая дорога вела к древнему монастырю. Каждый из нас понимал, что это путешествие – не просто физическое перемещение от нечего делать. Это была возможность заглянуть внутрь себя, найти ответы на волнующие вопросы и, возможно, нащупать свой путь.

К вечеру мы прибыли в средневековый Киккос. Монастырь, величественно возвышающийся на фоне гор, производил неизгладимое впечатление. С великолепных мозаичных полов, расположенных на древних каменных стенах, на нас смотрели лики святых, возвышающиеся в полный рост.

Монастырские стены, сложенные из крупного камня, ярко красовались на солнце, выделяясь среди сплошного леса. Нас встретили привычная для этих мест умиротворенность и

длинные балюстрады, мощеная булыжником земля и древний колодец, которые как знаковые точки вели к главному храму. Войдя, мы разошлись в разные стороны, чтобы в уединении поговорить с этим древним местом.

Величественный храм встретил мягким светом, который дополнялся мерцанием свечей, отражаясь в золотых окладах множества старых икон. Воздух был пропитан запахом ладана и воска, создавая атмосферу благоговения и таинственности. Я направилась к древней тысячелетней главной иконе, самой большой ценности этого места, возле которой любила долго стоять и размышлять. Казалось, она знает все мои мысли и открывает все мои тайны.

– На днях я вспоминал тебя, как чувствовал, что ты приедешь, – сказал тот, кого я ожидала здесь увидеть.

– Приютите нас на ночь? – с почтением спросила я.

– Ты знаешь, что ответ всегда один, – ответил он, цепким взглядом смотря на меня. – После службы мы поговорим.

– Благодарю, – смиренно сказала я своему духовнику.

Голоса других посетителей доносились приглушенно, словно издали, не нарушая тишины этого святого места. Я почувствовала, как постепенно отступают мирские заботы, уступая место ощущению внутренней гармонии и покоя. Здесь, вдали от шумного мира, я могла побыть наедине, поразмышлять о будущем и встретиться с ним.

Этот храм, с его тысячелетней историей и незыблемым спокойствием, был для меня местом молитвы и убежищем. Мысли о родине, о ее судьбе, не давали мне покоя. Вдали от дома, в этом чужом, но таком близком по духу месте, я чувствовала особую ответственность.

Мы говорили до глубокой ночи, после окончания службы. Он, русский, давно живущий здесь, разделял мою тревогу за родину и наших людей. Его слова, сказанные с полной уверенностью, словно подтверждали невидимую связь, которая всегда существовала между нами. В его глазах я видела глубокое понимание моих самых сокровенных переживаний.

Разговоры с духовником всегда приносили облегчение, помогали увидеть свои силы. Мы обсуждали текущее положение дел на родине, анализировали новости, делились опасениями. Но в наших разговорах всегда присутствовала надежда. Надежда на лучшее, на то, что Россия преодолет все трудности, что ее народ найдет свой путь к процветанию.

Глубокой ночью я нашла приют в каменной келье, укрытой в подножии горы. Таких уединенных обителей здесь было немало, каждая хранила свою тишину. Простое ложе, лишённое всякой роскоши, мгновенно убаюкало меня, и я погрузилась в сон. Видимо, мое подсознание неустанно трудилось, и в причудливых картинах сна я обрела ответы, которые предостерегали, что путь, который я избрала, станет испытанием не только для тела, но и для души.

Когда пришел рассвет, я чувствовала себя обновленной, наполненной живительными силами. Мой духовник, провожая нас, надел на наши шеи кресты и попросил привезти ему лесную землю с родины. Уезжая из монастыря, я уносила с собой не только благословение, но и уверенность в том, что даже в самые темные времена есть свет, есть надежда, и есть люди, готовые разделить твою боль и поддержать тебя. Эта встреча стала для меня еще одним напоминанием о том, что истинная сила – в вере, в единстве и в любви к своей родине и близким.

ГЛАВА 5

Поздняя осень 1993 года встретила нас в Москве холодным дождем и унылой серостью. Когда наш самолет наконец коснулся земли, в салоне тут же поднялась суматоха. Люди спешили покинуть свои места, их голоса звучали громко и немного нервно, словно отражая общую тревожность времени и ту самую неуверенность в завтрашнем дне, которая витала в воздухе.

Выйдя из терминала, мы остановились и посмотрели на знакомые, но как будто изменившиеся места, на город, который мы оставили, и который теперь казался таким далеким, на таксистов, предлагающих свои услуги, на суетящихся людей, на эту новую, незнакомую реальность, в которую мы только что ступили.

– Я в ведомство. Сразу хочу закончить с вопросом увольнения, – мрачно сказал Дима. – Делаем, как договорились. Встречаемся у Наташи через неделю. Этого времени должно хватить всем, чтобы разобраться с текучкой и принять окончательное решение, где будем жить и чем заниматься.

Все согласно кивнули, и мы разъехались по своим городам. Так мы сохраняли драгоценное для нас время. Каждый был способен проанализировать обстановку и составить полный отчет по необходимым решениям.

Направляясь в такси домой, я внимательно оценивала все, что видела. Пока страна не радовала. Обшарпанные здания и пустые дворы навевали скуку. Лица людей были хмурые и без улыбок. Таксист молчал, изредка посматривая в зеркало заднего вида.

– Вижу, вы не из наших? – неожиданно спросил он.

– Это почему? – спокойно ответила я.

– Да всё в вас говорит о том, что вы издалека. Вы русская только внешне, – посмеялся он.

– А что, за модную не сойду? – дерзко прикинула на себя личину смелой женщины.

– Нет. Они не такие, – хмуро ответил он и замолчал.

Въезжая в родной город, я взглядом цеплялась за знакомые дома и улицы. Возвращение домой всегда было особенным чувством, но в этот раз что-то было не так. Вместо теплого узнавания меня охватило странное ощущение чужеродности. Все, что когда-то было таким родным, теперь казалось незнакомым, это был другой мир. Чувство было настолько сильным, что его невозможно было игнорировать.

Город, который я помнила простым и красивым, теперь предстал передо мной серым, безрадостным месивом. Всего семь лет меня не было здесь, а убогая тусклость успела поглотить мой родной город с пугающей скоростью. И люди... Я не узнавала в тех, кто двигался по улицам, прежних счастливых лиц.

Единственное, что бросалось в глаза, так это несоответствие общей серости города мелькнувших роскошных фасадов с вывесками ресторанов, казино и магазинов. Мимо пронеслись несколько черных внедорожников, которые ярко выделялись на фоне общей массы советских автомобилей.

– Видно, опять на разборки поехали, – скупно констатировал водитель такси, провожая недобрым взглядом яркие немецкие автомобили.

– Почему так решили? – с интересом спросила я у него.

– А видела, девонька, что впереди прошел седан, а затем три джипа? Значит, в первой – босс, а сзади – охрана. Братки так на разборки ездят. На таких крутых машинках только братки рассекают, – внимательно посмотрев на меня в зеркало, сказал он. – Ты видно с луны свалилась!

Таксисты во все времена были особым народом. Они знали и подмечали всё, не хуже нашего ведомства. Поэтому его умозаключение я запомнила, как и интересное название «братки».

– Да я из другого города, – слукавила я и замолчала.

– Это ж где в России-матушке такой город есть, где ничего не знают про этих кровопийц? – не унимался пожилой мужчина, вальяжно держа руль.

Я отвернулась к окну и продолжила осматривать город, решив не отвечать на его допрос. Молчала, а настроение с катастрофической скоростью катилось вниз. Поймала себя на мысли, что уже готова отсюда убираться. И в этот момент я заметила родной мне двор и дом.

Восторг был секундным, и сразу наступило отчаяние. Игровых площадок, где я провела своё детство, уже не было. Весь внутренний двор выглядел как пустырь с парой лавок по центру, единственная роскошь, что осталась от прежнего двора.

Расплатившись и выходя из такси, я с горечью осматривала суровую реальность, стараясь не показывать своего удивления. Знакомый подъезд встречал не приветливой покосившейся дверью, болтающейся на одной петле. Ужасающая атмосфера тёмного подъезда была не лучше. Поднимаясь на третий этаж, я прочитала на давно некрашенных стенах все мнения местных о соседях и кто кого любит.

Нажала звонок родной двери и прислушалась. За дверью медленные шаги неторопливо направлялись в мою сторону.

– Кто там? – спросил усталый голос мамы.

– Mam, это я. Открывай, – ответила с радостью, что она дома.

Несколько щелчков, и я смотрела на удивленную маму, с выступившими слезами на глазах.

– Наташенька, доченька! Да как же так! Ты же даже не сообщила, что приезжаешь! – сумбурно и нервничая запричитала мама, обнимая меня, когда я шагнула в квартиру.

– Проходи! Проходи, милая! Как я рада, что ты приехала!

Первые минуты пролетают, как секунды, в объятиях и поцелуях моей заждавшейся и постаревшей мамы. Странно было видеть её в таком состоянии. Поседевшая, с не покрашенной сединой и в наброшенной на плечи шали, она неторопливо перебирала ногами, обутыми в домашние тапочки. Что-то неуловимо изменилось в ней, и казалось, навсегда. Никогда не видела у неё таких опущенных плечей и взгляда обреченности.

– Mam, я страшно голодна, – улыбаясь сказала ей. – Ставь чайник. Я привезла твой любимый шоколад.

Бросила сумку с вещами в своей комнате и направилась на кухню, где чай уже закипал на плите. Запах привычной кухни, смешанный с ароматом свежесваренного чая, немного успокоил меня. Мама суетливо хлопотала у плиты, пыталась создать видимость обыденности, но её дрожащие руки выдавали волнение.

Я села за стол, наблюдая за ней, и пыталась понять, что же произошло. Её обычно оживленное лицо казалось бледным и осунувшимся, а в глазах, которые раньше всегда светились теплом, теперь читалась какая-то глубокая печаль.

– Как ты, мам? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более естественно.

Она обернулась, и на её губах появилась слабая, почти незаметная улыбка.

– Я в порядке, доченька. Просто рада тебя видеть, – тихо произнесла она, ласково проводя ладонью по моей щеке. – Какой же ты стала красавицей! Ты больше похожа на мировую знаменитость, сошедшую с журнала мод, чем на скучную работницу дипмиссии.

Она поставила передо мной чашку с дымящимся чаем, и ее пальцы на мгновение задержались на моей руке. Это было не просто прикосновение, а скорее попытка удержать меня, не дать снова исчезнуть.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь тихим шипением чайника и стуком ложечки о чашку. Я чувствовала, как нарастает напряжение, как невысказанные слова витают в воздухе.

Мне хотелось спросить обо всем, о том, почему она так изменилась, что случилось, но я боялась спугнуть ее, заставить замкнуться.

– Ты как добралась? – наконец спросила она, нарушая молчание.

– Нормально. Взяла такси, – ответила я, стараясь не упоминать о своем впечатлении от подъезда.

Я не хотела омрачать ее радость от моего приезда, даже если эта радость была омрачена тревогой. Она кивнула, но ее взгляд снова устремился куда-то вдаль, словно она видела что-то, чего не видела я. Я чувствовала, что за этой внешней спокойностью скрывается какая-то буря, какая-то боль, которую она не могла или не хотела разделить со мной. И это было самым тяжелым – видеть ее такой, беспомощной и одинокой. Я приехала, чтобы увидеть ее, но теперь мне казалось, что я приехала слишком поздно.

– Расскажи, как твоя школа, как мои одноклассники, – спросила я, чтобы начать разговор.

Ее взгляд резко потускнел, и взгляд уперся в окно.

– Я ухожу со школы, дочь. Там стало невыносимо работать. Да и пенсия подошла, – грустно ответила мама.

– Вот и хорошо, мама, тебе пора отдыхать, – сказала я.

Мы сидели на кухне до глубокой ночи. Я внимательно слушала ее рассказ об изменениях, захлестнувших город и людей, о школе, где авторитета учителей больше не существовало, о родителях, которые во всех бедах обвиняли правительство и учителей.

Она рассказала, что половина моих одноклассников уже создали семьи и родили детей. Мама долго сетовала на то, что мне уже двадцать девять лет, и я все еще не замужем.

Я молчала, переваривая услышанное. Город, который я помнила из детства – шумный, полный жизни, с яркими витринами и смехом на улицах – теперь казался мне чужим, окутанным серой пеленой. Мама говорила о том, как раньше дети тянулись к знаниям, как родители с гордостью приходили на родительские собрания, а теперь все было наоборот. Учителя стали расходным материалом, их труд обесценился, а ученики, казалось, потеряли всякий интерес к учебе, увлеченные чем-то другим, более доступным и, видимо, более прибыльным.

– А ты, дочь, – продолжила мама, снова переводя взгляд с темного ночного окна на меня, – ты ведь тоже могла бы найти себе пару. Вон, Юля, твоя одноклассница, уже троих родила.

В ее голосе проскользнула привычная материнская тревога, смешанная с обидой. Я видела в ее глазах не только усталость и печаль, но и страх. Страх за меня, за мое будущее, за то, что я могу повторить ее ошибки, или, наоборот, не найти своего места в этом мире. Она смотрела на меня долгим, изучающим взглядом, словно пытаясь разглядеть то, чего она не видела раньше.

– Лишь бы ты была счастлива, дочка, – прошептала она, и в этом шепоте было столько невысказанной боли, столько надежды, что мне захотелось обнять ее и сказать, что все будет хорошо.

Еще немного посидев на кухне, мы разошлись по своим комнатам. Лежа в своей постели, я обдумывала все, что уже увидела и услышала, и картина, надо сказать, абсолютно не радовала меня.

Встала и пошла на кухню, привычно для себя взять из холодильника сок. Сон не шел. Открыв дверцу, я замерла. Он был почти пустой. Маленькие кусочки масла и сыра соседствовали с молоком и кастрюлькой вермишелевого супа. И все! Заглянув в морозилку, нашла там два небольших мясных кусочка с курицей. Набрав в стакан воды из-под крана, попила и отправилась в постель.

ГЛАВА 6

С утра, вставая с постели, я для себя твердо решила, что хватит хандрить. Стены в подъезде можно покрасить, входную дверь починить, а на крайний случай можно и поменять район проживания.

По моим меркам скромно позавтракали, и я отправилась в ближайший магазин за продуктами. Проходя по улицам, пристально оценивала работу городских властей по благоустройству города и все больше приходила к выводу, что уговорю маму продать квартиру. Переедем в Москву. У меня были небольшие накопления, значит сложимся и купим квартиру. Устроюсь на работу и заживем вдвоем, а там и замуж выйду.

– Наташка! – неожиданно для себя услышала собственное имя, которое кричал незнакомый голос. – Наташка, это ты!

Оглядевшись, увидела молодую женщину, в которой едва смогла опознать свою бывшую одноклассницу Свету. Мы не виделись одиннадцать лет, с самого выпускного. Она стояла на другой стороне улицы с коляской. Не дожидаясь, я подошла к ней.

Света выглядела немного растерянной, но ее глаза светились той же теплотой, что и раньше. Мы обнялись, и я почувствовала, как напряжение последних лет немного отступило.

– Ты как здесь оказалась? – спросила она, все еще не веря своим глазам. – Все говорили, что ты за бугром. А ты совсем не изменилась, даже стала ещё красивее. Как тебе удастся настолько хорошо выглядеть? У тебя есть семья, дети?

– Нет, Света. Мне еще рановато, – засмеялась я.

Мы разговорились, стоя на тротуаре. Я слушала внимательно, как Света рассказывала про одноклассников и политические изменения в стране, а я лишь задавала уточняющие вопросы. Она поделилась своей историей, как вышла замуж, как родился малыш. Ее рассказ был полон той самой обычной, но такой важной человеческой жизни. В ее словах не было ни жалоб, ни сожалений, только спокойная уверенность и радость от того, что есть.

– Знаешь, Наташа, – сказала она, когда мы уже собирались расстаться, – Суровый с ума сойдет, когда узнает, что ты в городе.

– Кто? – растерянно спросила я.

– Леша. Прости, Алексей Сергеевич, – пояснила она.

Что-то смутное в памяти пошевелилось, и я вспомнила парня, который учился в школе на три года старше нас. Я припомнила, как он пытался ухаживать за мной, даже приезжал в студенческое общежитие. Тогда я попросила его оставить меня в покое, потому что серьезно занята учебой.

Ее слова и странное прозвище заставили меня задуматься. Я смотрела на Свету, на ее счастливое лицо, на мирно спящего в коляске ребенка, и понимала, что она сейчас сказала о чем-то важном.

– А почему Суровый? – решила уточнить я.

– Ой, ты знаешь, мне надо бежать. Забудь. Давай позже встретимся, – суетливо и нервно ответила она, что мне показалось странным. – Ты приехала насовсем или как?

– Пока не знаю, – скупно ответила ей, видя, как странно меняется ее лицо.

Мы расстались, но чувство тревоги усилилось. Что-то в этой встрече было не так. Света, всегда такая открытая и прямолинейная, сейчас казалась какой-то замкнутой, словно пыталась что-то скрыть. Ее внезапная спешка, нервозность, когда я спросила про «Сурового», и то, как она уклонилась от моего вопроса о причинах его прозвища, – все это вызывало подозрения.

Я знала Алексея как обычного парня, немного застенчивого и доброго, но никак не сурового. Может быть, за годы, прошедшие с нашего последнего общения, что-то изменилось?

Мысль о том, что Алексей может быть так взволнован моим приездом настораживала. Он был на три года старше и, по идее, должен быть уже женат. Наши пути пересекались лишь мельком, в коридорах школы. Я помнила его как парня, который не отличался особой настойчивостью, но и не был равнодушен ко мне. Его попытки ухаживать были скорее робкими, чем навязчивыми. И вдруг – «Суровый». Это прозвище совершенно не вязалось с тем Алексеем, которого я когда-то знала.

Прогулявшись долго по городу, зная, что мама еще в школе, через несколько часов я возвращалась домой с продуктами. Все еще не могла отделаться от ощущения, что Света что-то недоговаривает. Я прокручивала в голове обрывки воспоминаний, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, но все казалось таким далеким и незначительным. Решила, что не буду больше мучить себя догадками.

– Ну, здравствуй, красавица, – едва выйдя из-за угла своего дома, услышала я грубый мужской голос.

Черный тонированный со всех сторон внедорожник смотрелся одновременно величественно и глупо, стоя у моего дома. Среди общей серости эта роскошь была по глазам. Я смотрела на высокого красивого мужчину в шикарном деловом костюме и узнавала в нем того Алексея, но только кардинально изменившегося.

Его широкие плечи и уверенная осанка говорили о том, что он не просто достиг успеха, а стал настоящим хозяином своей судьбы. Я помнила его еще тем парнем из соседнего двора, с которым мы играли в казаки-разбойники, смеялись и делились мечтами о будущем. Теперь же он выглядел иначе – абсолютная уверенность и высокий статус буквально полыхали из него.

– Алексей? – произнесла я, стараясь скрыть удивление в голосе.

Он усмехнулся, но в его взгляде мелькнула тень теплой ностальгии.

– Для тебя, да. А для остальных – Алексей Сергеевич, – сказал он, подходя ближе. – Многое изменилось, Наташенька.

Я кивнула, осознавая, что за семь лет, которые прошли с нашего последнего общения, мир каждого из нас изменился до неузнаваемости.

– Зачем ты здесь? – спросила я, стараясь сохранить легкость в разговоре, и обводя рукой двор.

– Хочу пригласить тебя поговорить, – ответил Алексей, его голос стал более серьезным. – Есть несколько вопросов, которые нужно решить.

Я почувствовала, как в воздухе повисло напряжение. Мы оба знали, что за такими словами может скрываться нечто большее.

– Какие у тебя могут быть вопросы ко мне? – спросила я.

– Хорошие, Наташенька. Только хорошие! – ответил он с легкой улыбкой, которая мне не понравилась.

В его словах таился глубокий смысл, и я понимала, что за уверенной улыбкой скрывается что-то... Я решила, что, пожалуй, стоит узнать, что же на самом деле произошло с Алексеем за эти годы. Он открыл передо мной дверь внедорожника, и я села в него.

Машина плавно тронулась, выезжая со двора и направилась по городским улицам. Несколько минут он молча смотрел на дорогу, а потом спросил:

– Ты надолго к нам?

– Пока не решила. Хотела увидеть маму, – сухо ответила я.

Меня смущало в нем все, и на откровенность со старым другом как-то не тянуло. От Алексея шла тяжелая энергетика. Все в нем кричало о достатке, но он казался каким-то жестким.

– Куда мы направляемся? – спросила я.

– В ресторан, – сухо ответил он.

– Но я в джинсах и не одета для таких заведений, – слегка возмутилась я.

– Это мой ресторан, Наташа. Так что все нормально, – строго ответил Алексей.

Разговор явно не клеился. Что вообще его могло сподвигнуть на эту встречу со мной? Мы давно совершенно чужие люди, да и раньше близкими не были. Обычные дети, соседи по двору и школе. Какое-то нехорошее предчувствие закралось в мою душу, когда я оценивала его уверенные жесты, холодную мимику, уверенные движения и совершенно нездоровый взгляд на меня.

Он смотрел пристально, так, как будто изучал всю меня. Его жилистые руки крепко держали руль, но я видела, как мышцы перекачивались под костюмом. Он явно нервничал, но прекрасно это скрывал.

– Мы почти приехали, – сухо сказал Алексей.

Я кивнула, не отрывая взгляда от его лица. В его глазах, казалось, мелькнул какой-то хищный отблеск. То ли это предвкушение, то ли что-то более темное. Я чувствовала, как напряжение нарастает, словно воздух вокруг нас становился гуще и тяжелее.

Этот Алексей, которого я знала как простого мальчишку из соседнего двора, теперь был совершенно другим человеком. Его уверенность граничила с агрессией, а эта показная вежливость казалась лишь тонкой маской, скрывающей что-то гораздо более сложное и, возможно, опасное.

Мы подъехали к внушительному зданию с весьма элегантным фасадом, выделяющемся на фоне серого города. Алексей припарковал машину у входа, где тут же появился мужчина в строгом костюме, готовый открыть дверь. Я почувствовала себя неуютно в своих джинсах, но Алексей, заметив мое замешательство, лишь бросил короткий, почти незаметный взгляд, который, казалось, говорил: «Не обращай внимания».

Мы вошли внутрь, где было совершенно пусто в разгар рабочего дня. Он уверенно вел меня к столику в самом центре зала, где уже ждал другой мужчина. Я почувствовала, как мое сердце забилось быстрее. Это была не просто встреча, это было что-то спланированное, и я была втянута в это без своего согласия.

Посмотрела на Алексея, пытаюсь угадать, что он задумал, но его лицо оставалось непроницаемым, лишь легкая, довольная улыбка играла на его губах. Я понимала, что эта встреча – лишь начало чего-то, и мне предстояло узнать, что это именно.

– Почему зал пуст? – спросила я, присаживаясь на стул.

– Потому что я закрыл ресторан, чтобы спокойно поговорить с тобой? – улыбаясь ответил он. – Я так долго тебя искал и ждал, что готов закрыть весь город, чтобы ты снова не исчезла.

– Меня? Зачем? – простодушно спросила я, а понимание, что это какая-то ловушка, уже родилось в моем сознании.

– Затем, моя дорогая, что я знаю, кто ты, – уверенно ответил Алексей.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Да и зачем это тебе знать? – ответила строго, смотря в его глаза. – Что происходит, Алексей?

– Наташенька, разведку практически распускают, и поэтому ты появилась, – сурово ответил он. – И я рад, что наконец-то смог увидеть тебя.

– Бред какой-то. Я то здесь причем? Алексей, не улетай так далеко в своих фантазиях, а то можешь никогда не вернуться, – пошла я в отказную.

– Видишь ли, моя дорогая, когда ты внезапно исчезла, я не смог даже близко узнать, куда ты пропала. Меня, как котёнка, вышвырнули отовсюду. Естественно, я был крайне зол на всех, и даже на тебя. Но это было тогда, не сейчас, – медленно говорил он. – Потом было безумство армии, стройбат, где я понял, что люди делятся на баранов и волков. Я научился подчинять скот и заставлять работать. Мне больше понравилось быть волком. Вернувшись, я поднялся. Законы жизни, которые я усвоил там, помогли мне здесь. И вот тогда у меня появилась возможность всё узнать о твоей судьбе. Недавно я нанял особенного человека, который когда-то ушёл из органов и занимается частной практикой. Так вот, ему тоже сначала не удалось найти твои

следы. Потом он хорошо потряхнул людей из твоего института и выяснил, что ты пропала после интересных бесед с разведкой. Дальше было делом техники, за хорошие деньги, получить у его знакомого копию твоего личного дела из «лесной школы».

Нам принесли кофе и пирожные. А на стол упала папка с моей фамилией. Отпивая маленькими глотками напиток, я в шоке изучала своё собственное засекреченное досье. Никак не могла поверить, что такое возможно. Это была не подделка. Алексей не обманывал. Моё дело действительно стало для него доступным. Единственное, чего в нём не было, так это информации о распределении меня в США.

Сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Я перелистывала страницы, узнавая себя и одновременно не узнавая. Вот я, юная студентка, отличница, подающая надежды. А вот – «объект повышенного внимания», «способности к анализу», «высокий уровень стрессоустойчивости». Это были слова, превращающие меня, человека, в безликую функцию, в инструмент.

– И что ты собираешься со всем этим делать? – спросила я, стараясь сохранить спокойствие, хотя внутри бушевал ураган.

Алексей откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. В его глазах читалась смесь победного восторга и какой-то тихой грусти.

– Я просто хотел знать правду. Хотел понять, почему ты исчезла, – он сделал паузу, пристально глядя на меня. – Я не знаю, что ты делала последние три года и где была, моя красотуля. Но я знаю одно – теперь ты станешь моей женой.

Я отложила папку. В горле пересохло.

– В каком смысле женой? – мой голос дрогнул.

– Во всех, – сурово произнес Алексей.

Я молчала. Осознание чего-то неминуемого пришло вместе с пониманием, что он говорит абсолютно уверенно и серьёзно. Так, как говорит сильный человек, определивший для себя всё.

– Алексей, а я не хочу замуж, – спокойно ответила ему.

– Наташенька, твои хотелки и игры закончились. Теперь я хочу, чтобы ты стала частью моей жизни. Я слишком долго дождался тебя, моя любимая, непоседливая девочка, – цинично произнес Алексей.

Он встал и подошёл к окну. За окном медленно опускался вечер на город. Город, который он был готов закрыть ради меня. Город, в котором сейчас я хотела спрятаться и исчезнуть.

– Сейчас ты позвонишь матери и скажешь, что отлучилась по работе, Наташа, – жёстко приказал он.

– И что будет со мной после этого? – с интересом ответила я.

– А после мы поедem в твой новый дом. Он долго ждал свою хозяйку, превращаясь в мою холостяцкую берлогу, – совершенно не терпя никаких возражений, ответил Алексей.

Он повернулся ко мне и улыбнулся. Улыбка была невыносимо властной и похотливой. Я увидела, как в зал вошло человек десять тренированных парней. Моё сердце бешено заколотилось. Алексей подошёл к столу, взял мою руку и поцеловал её.

– Не переживай, Наташа. Это моя охрана, чтобы ты не наделала глупостей. Я ведь в курсе, чему вас там учили, – холодно произнес он.

Осмотрев противников, я быстро анализировала свои шансы. Никаких! Нескольких я положу. Это не проблема. Но остальные? Нет. Одной против этих спортивных парней мне не выстоять. Я уже сильно жалела о том, что поехала просто поговорить с бывшим школьным другом. Ловушка захлопнулась, и звоном цепей рассказывала, что моя спокойная жизнь на этом закончилась.

Саша и Дима прибудут только через шесть дней. Мне необходимо было тянуть время. Оставался один вопрос – как быстро они смогут меня найти? Я смотрела на Алексея, пытаюсь

найти хоть малейший намек на сомнение в его глазах, но видела лишь стальную решимость. Его слова, произнесенные с такой уверенностью, словно высекали мою судьбу в камне. «Твои хотелки и игры закончились», – эта фраза звучала как приговор. Я была птицей, пойманной в золотую клетку, и теперь мне предстояло узнать, насколько прочны ее прутья.

Алексей, словно прочитав мои мысли, продолжил:

– Ты думаешь, я не знаю, на что ты способна, моя девочка? Я знаю все, Наташенька. И я готов к любым твоим попыткам сбежать. Эта охрана – лишь первая мера предосторожности. Ты моя, и в этот раз я не позволю тебе ускользнуть, – объясняя все происходящее, спокойно говорил Алексей.

Его голос стал тише, но от этого не менее угрожающим. Он сделал шаг ко мне, и я почувствовала, как воздух вокруг сгущается от напряжения. Я попыталась отстраниться, но его рука мягко и настойчиво легла на мое плечо.

– Не бойся, – прошептал он мне в ухо, – я не причиню тебе вреда. Я лишь хочу, чтобы ты поняла, что теперь ты в безопасности. В моей безопасности.

Его слова звучали как обещание, но в них было столько собственничества, столько власти, что мне стало страшно. Я была не объектом заботы, а трофеем, который он собирался удержать любой ценой. Мой взгляд скользнул по лицам парней, стоявших у стены. Они были спокойны, их взгляды были пустыми, словно они марионетки в руках Алексея. Я знала, что они не остановятся ни перед чем, чтобы выполнить его приказ. И в этот момент я поняла, что сопротивление бесполезно. Я была в капкане, и единственное, что мне оставалось, – это попытаться выжить в этой новой, пугающей реальности. Алексей отпустил мое плечо и снова подошел к окну.

– Вечер опускается на город, – сказал он, – а значит, пора начинать новую жизнь. Твою новую жизнь, Наташа. Со мной. Звони матери.

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела отражение города, который он был готов закрыть ради меня. Города, который теперь стал моей тюрьмой. И я, его пленница, должна временно научиться жить в этой клетке, не теряя себя.

Передо мной поставили телефонный аппарат. Я набрала городской номер квартиры. Мама взяла трубку.

– Мам, меня вызвали по небольшому вопросу. Я скоро приеду, – спокойным голосом сказала я. – Главное, меня будут обязательно спрашивать друзья. Скажи им не ждать, и если не заплутаю, то появлюсь.

– Хорошо, дочь, – ответила мама, ничего не заподозрив.

Я положила трубку, и единственное, что согревало мое сердце сейчас, так это была надежда. Мной была передана кодовая фраза – «Обязательно. Не ждать. Появиться», говорящая о том, что я в плену. Главное теперь, чтобы мама ее сказала Диме и Саше.

Под конвоем спортивных парней мы прошли черным ходом на задний дворик роскошного ресторана, где стояли пять тонированных черных внедорожников. Мне открыли двери одного из них. Я села на кожаное сиденье сзади. Алексей разместился рядом и молчал.

– Интересно, как ты представляешь себе нашу счастливую семейную жизнь? Я же возненавижу тебя! – спокойно смотря в окно, сказала я.

– Она будет удивительна и прекрасна. Ты привыкнешь и полюбишь меня. Посмотри на этот город. Всё здесь принадлежит мне. Власть, деньги, завод, заведения, каждый кирпичик и каждый человек. И все они приняли меня, как своего хозяина. Ты, Наташенька, часть нашего города, и я по тебе жутко тосковал. Но всегда знал, что ты вернешься в родные места, птичка моя, заморская! Здесь твои родные пенаты! – уверенно произнес Алексей.

– Ты меня совершенно не знаешь, Алексей. Зачем я тебе? Тебе что, больше не с кем кувыряться в постели? – жёстко спросила я, снимая маску простой девушки.

– Этого у меня хоть отбавляй, но жена – это куда большее. Наташа, когда Аркадию его жена, Светлана, сообщила, что встретила тебя на улице, я едва этому поверил. Но потом позвонил в школу, будущей тётке, и она подтвердила, что ты приехала. С этого момента я отложил все дела в сторону, чтобы поймать тебя. Я так долго ждал и дождался. Теперь ты моя! – уверенно и жёстко говорил Алексей.

Он взял мою руку и нежно, едва касаясь, поцеловал в ладонь. Теперь пазл у меня сложился. Света, моя одноклассница, жена какого-то Аркадия сдала меня им. Стерва! Следовательно, она знала, зачем меня искал Алексей. Одного они не учли – для таких людей как я, нет безвыходных ситуаций. Мне осталось лишь дождаться момента, когда мы с парнями с огромным удовольствием раскурочим это бандитское гнездо.

ГЛАВА 7

Мы ехали долго, и город постепенно сменился пригородом, а затем и вовсе погрузился в темноту, нарушаемую лишь редкими фонарями на дороге. Я не знала, куда мы направляемся, и эта неизвестность меня совершенно не беспокоила.

Примерно через сорок пять километров от города машина съехала с главной дороги и направилась по новому асфальту в глубь леса. Я внимательно за всем наблюдала и запоминала. Через несколько минут ход внедорожника замедлился, а впереди показались огромные ворота и вдалеке силуэт большого дома, окруженного темным лесом.

Когда мы подъехали к двухэтажному богатому дому, стоявшему посреди большой по территории усадьбы, двери внедорожника открылись, и меня встретил прохладный вечерний воздух. Алексей вышел первым, его фигура казалась монументальной на фоне темного фасада. Он протянул мне руку, и я, не имея выбора, взяла ее. Его прикосновение было холодным, но в нем чувствовалась сила, которая одновременно пугала и завораживала.

Я шагнула навстречу своей судьбе, в этот дом, который, как мне казалось, был построен специально для того, чтобы стать моей клеткой. Мы вошли в дом через парадный вход, минуя двойные дубовые двери. Богатство внутреннего помещения поражало воображение, после серости и общей нищеты города.

Внутри царил полумрак, освещаемый лишь тусклым светом старинных люстр, чьи хрустальные подвески тихонько позвякивали от малейшего движения. Воздух был густым, пропитанным ароматами старого дерева, кожи и чего-то неуловимо цветочного, но при этом тяжелого. Каждый шаг по толстому ковру, поглощающему звуки, казался шагом в другую эпоху.

Алексей, не выпуская моей руки, повел меня по просторному холлу. Его шаги были уверенными, привычными, словно он здесь хозяин не только этого дома, но и самой жизни. Его взгляд, когда он изредка бросал его на меня, был непроницаем, как гладь черного мрамора. В нем не было ни тепла, ни злобы, лишь спокойная, почти безразличная власть.

Мы прошли мимо картин, где несколько штук я сразу узнала. Это были мировые шедевры. Я ощущала себя песчинкой, занесенной сюда ветром судьбы. Алексей остановился у широкой лестницы, ведущей на верхние этажи. Его пальцы сжали мою руку чуть сильнее, и я подняла глаза, ожидая его дальнейших указаний. В глазах Алексея мелькнуло что-то, что я не смогла расшифровать – то ли предвкушение, то ли вызов.

– Насиловать будешь? – спокойно спросила я.

– Что ты, любимая моя. Ужинать будем, – улыбнувшись, ответил Алексей, смотря мне прямо в глаза. – Ты смешная, Наташенька.

– Да уж, обхохочешься тут у вас, – усмехнувшись, иронично произнесла я.

– Я убрал на время из дома прислугу. Знаю, что ты будешь сопротивляться и пытаться сбежать. Так что поживем пока вдвоем. Свидетели того, как мы будем притираться, нам не нужны. А теперь я буду готовить нам ужин к прекрасному красному вину, а ты честно и не торопясь расскажешь мне последние три года своей жизни. И Наташа, я сказал честно! Меня не интересуют ваши государственные тайны. Меня интересует, как ты жила, что любишь покушать, какой парфюм предпочитаешь, какую слушаешь музыку и фильмы, ну и все остальное. Ты меня поняла? – медленно говорил он каждую фразу.

– Люди притираются годами. Алексей, как ты считаешь, за какое время притремся мы? – внимательно рассматривая этого мужчину, спросила я.

– Как только ты в постеле между стонов назовешь меня Лешей и попросишь еще, – коротко ответил он и отвернулся.

Мне нечему уже было удивляться. В принципе, ситуация, в которой я оказалась, была до тошноты понятной. Скинув пиджак, он прошел на кухню, и я последовала за ним. Мне

требовалось играть свою роль дальше. В голове постоянно крутилось число шесть. Шесть дней! Ребята приедут, получают закодированный запрос о помощи и придут. Ну сколько может у них уйти времени, чтобы отыскать меня в доме за городом? Зная своих друзей – день, два! Итого, мне как воздух нужны были эти восемь дней!

– Это какое-то безумство, Алексей! Я не могу поверить, что это все происходит в реальности. Зачем? – тихо спросила я, встав перед ним и смотря прямо в глаза. Моя игра началась!

– Затем, что я давно люблю тебя, Наташенька. Еще со школы. Но ты оттолкнула меня, слабого и простодушного пацана. Теперь же я стал другим! – медленно пояснял он, беря в руки нож.

Алексей подошел к холодильнику и начал доставать помидоры, болгарский перец, мясо, зелень, масло, все медленно раскладывая на столе. После чего повернулся ко мне и спокойно сказал:

– Вина? У меня есть прекрасное французское вино. Сам привез от своего партнера по бизнесу. У него огромные виноградники, – сказал он.

– Наливай, – равнодушно произнесла я, уходя в свои размышления.

Пока он занимался вином, я быстро просчитывала данную ситуацию и процент ее совпадения с целью моего появления в стране. И выходило, что весь этот происходящий суровый абсурд, так я для себя обозначила моего бывшего друга Лешку Сурова, стоящего сейчас передо мной Алексея Сергеевича Сурова, а в городе более известного как Суровый, так вот, это все великолепное и весьма полезное стечение рабочих обстоятельств на все сто процентов. Я ведь приехала с целью проанализировать страну? Ну вот и получила – лучший источник информации! Все происходящее можно пронаблюдать теперь воочию, прямо внутри криминального мира, тех, кто правит в моем родном доме. Пока мы там усердно работали для страны, рискуя собой, они здесь вырастили таких вот персонажей, один из которых в данный момент протягивал мне бокал с вином.

– За наше будущее, дорогая, – произнес он тост, поднимая бокал.

Уложить его сейчас прямо на этот белоснежный мраморный пол для меня было не проблемой. В доме мы были один на один, это я хорошо изучила по звукам и запаху. Вырубить Алексея – секундное дело! И ножи, с которыми я на «ты», даже не понадобятся. А ведь на кухне их целый арсенал висит, выбирай – не хочу!

Я также заметила, выходя из машины, что на периметре усадьбы стоит человек тридцать охраны. Но и это для меня не проблема. Зачем вступать в схватку, если я могу просто тихо уйти, раствориться в воздухе! Основная трасса была оживленной, на попутке я могу легко уйти из города.

Но что я получу взамен такой выходки? Потеряю ценнейший источник информации, а это недопустимо. Информация – это смысл всей моей профессиональной жизни! К тому же, наживу себе «хвост» в виде преследования. Этот болван наверняка тут же организует погоню. Значит, придется работать с тем, что есть!

– У меня будет другой тост, – ответила я ему с милой улыбкой, но с твердым выражением лица. – Выпьем за Родину, чтобы она выбралась из той ямы, куда ее затащили!

Алексей расхохотался и коснулся своим бокалом моего.

– Ты просто великолепна, Наташка, – улыбаясь сказал он, едва пригубив вино.

Он молча закатывал рукава своей дорогой белой рубашки до локтей, не отрывая от меня взгляда. Это был взгляд хищника, оценивающего недостижимую добычу – жесткий, пронзительный, полный желания и скрытой ярости. Я буквально кожей ощущала его внутренний монолог. Его взгляд, как лассо, пытался привязать меня к себе, к этой фальшивой роскоши, к этому порочному миру, который он и ему подобные создают на остатках моей бедной страны.

Но я не добыча. Я – наблюдатель и аналитик. И сейчас я здесь, чтобы понять, как эти люди, эти хищники, могли так легко захватить власть, пока настоящие патриоты, такие как я,

были заняты работой на свою страну. Его слова о будущем звучали как насмешка. Какое будущее они строят? Будущее, где такие, как он, купаются в роскоши, а страна медленно умирает? Мое будущее – найти их слабые места. И для этого мне нужно оставаться здесь, в этой золотой клетке, пока не получу ответы на все свои вопросы.

Его мужское откровенное желание было очевидно, но для меня это лишь инструмент, который я могу использовать. Его самоуверенность и ощущение собственной безнаказанности – вот что делало Алексея уязвимым. Он видел во мне пока опасную, но игрушку, объект желания, и не видел в себе самой угрозы. Это и была его большая ошибка. Я буду играть свою роль. Роль той, кто очарован его властью, его богатством, его силой, и предан страной. Но внутри я холодна и расчетлива. Каждый его жест, каждое слово, каждый взгляд – все это было для меня информацией. Я буду скрупулезно собирать ее, анализировать, и ждать своих парней. Тогда и решу судьбу Алексея.

Его сильные руки с выступающими венами взяли кусок свежего мяса и нож. На пальце красовалось массивное кольцо с темным камнем. Символ власти, символ принадлежности к этому новому, криминальному миру. Я представила, как легко было бы сломать эту руку, как легко было бы лишиться его этой власти. Но это было бы слишком просто. Слишком быстро и совершенно бесполезно.

– В моем ресторане работает отличный шеф-повар Аркадий, который научил меня готовить фахитас. Сегодня я буду угощать тебя им, – медленно говорил он, нарезаая мелкими полосками мясо.

– Это он муж Светланы, которая сдала меня тебе? – холодно спросила я.

– Он, – улыбнувшись ответил Алексей. – Милая, давай договоримся на берегу, что никто тебя мне не сдавал. Все эти годы я безумно ждал свою девочку и вот ты появилась. Именно поэтому Света позвонила и рассказала о вашей неожиданной встрече на улице. Тебя предали ведомство и политики, которым ты верно служила. В отличие от них, я никогда не подведу тебя, Наташенька. И ты в этом скоро убедишься сама. Сейчас ты растеряна и, возможно, даже обозлена на мир. Я тоже был поражен, когда начали сливать разведку и кричать лозунги, что Запад теперь наши друзья. Но именно в этот момент я понял, что рано или поздно ты приедешь к своей одинокой матери. Я не знал когда, и не знал, замужем ли ты, но это совершенно неважно.

– А если бы я была замужем? – с интересом спросила я у него.

– Но ты не замужем и детей у тебя нет. Так ведь? – уклончиво ответил Алексей.

– Правильно. Но все-таки! Что было бы, если бы я приехала с мужем? – допытывалась я, чтобы определить его крайнюю черту, границу совести.

Нож с глухим стуком врезался в разделочную доску, разбрасывая кусочки мяса. Его голос, низкий и гортанный, прозвучал в тишине:

– Ты моя, Наташа. Запомни, пожалуйста, это. Мне плевать, кто тебя имел раньше и в каких позах. Теперь это буду делать только я, всегда и неустанно. Из личного дела я знаю о твоих друзьях. Александр и Дмитрий, кажется! Один вдвшник, другой морпех, и оба с блестящими характеристиками. Так вот мне интересно, перед кем из них ты раздвинула свои прекрасные бедра? Скажи правду, иначе я убью обоих. А так хотя бы один будет жить! – в гневе вполголоса говорил он.

– Мне жаль тебя, Алексей. Видимо, ты не знаешь, что такое истинная дружба, – тихо ответила я, слегка наклонившись вперед и пристально смотря ему в глаза. – К тому же мы после распределения не встречались.

– То есть ты хочешь сказать, что эти два ублюдка смотрели на тебя три года в учебке и ни один из них тебя не трахнул? Да ты себя видела?! Ты же ходячее желание – завалить на кровать и приручить дикую кошку в тебе! – удивленно и твердо сказал Алексей.

– Думаю, ты ошибаешься. Я не настолько притягательна, – спокойно произнесла, отворачиваясь от него.

– Хорошо, пусть живут, если не трогали моего. Будем считать, что я тебе поверил, – напряженно продолжил разговор он, отходя к плите. – Каждый день будем проводить вместе. Я освободил свой рабочий график для тебя, Наташенька. Если буду вынужден отлучиться, то дом запру. На окнах решетки. Вокруг охрана. Парни серьезные, и не советую тебе с ними шутить. Могут поломать. Мне служат лучшие. Они спортсмены. Так что убежать не получится.

Он говорил отстраненно и деловито, так, как будто заключал со мной сделку. Алексей повернулся, его взгляд скользнул по мне, оценивая, как добычу. В его глазах не было ни тени сомнения, только холодная уверенность хищника, который уже загнал свою жертву в угол.

– И учти, что я не люблю шуток. Я не тот человек, с которым можно играть. Всегда получаю то, что хочу. А ты – та, кого я хочу и очень долго ждал. И я не позволю никому другому даже мечтать о тебе. Эти твои истинные друзья... – медленно говоря, он резко взял паузу и поднял голову к потолку, после чего успокоился и продолжил, – еслиони посмеют встать на моем пути, я их уберу. Без колебаний. Но если ты будешь послушной, если станешь моей, то все у нас будет отлично.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и угрожающие, проникая в самую душу. Я чувствовала, как моя злость подняла голову, но старалась не показывать этого.

– Ты не понимаешь, Алексей. Любовь невозможно купить, – спокойно сказала я.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

– Мы ее в тебе вырастим и только по отношению ко мне. Это я тебе могу гарантировать, Наташа. А пока мне нужна покорность. Твое тело и душу я получу позже. Если бы я хотел отыметь тебя, то мы бы сюда не приехали и не вели эти милые беседы. Ты мне нужна вся, без остатка, и навсегда. И никто, слышишь, никто не сможет тебя у меня отнять. Ни твои друзья, ни кто-либо другой. Со временем ты будешь моей во всем, – уверенно и тихо говорил Алексей, смотря мне прямо в глаза.

Он подошел ближе, его тень накрыла меня. Я чувствовала его дыхание на своем лице, его запах – смесь металла и терпкого мужского парфюма. Он протянул руку и провел пальцем по моей щеке, его прикосновение было одновременно нежным и властным. Неторопливо он наслаждался своим преимуществом и продолжал говорить:

– Дикая кошка в твоих глазах и сердце, ещё полюбит меня. Мы половинки одного целого. Не сопротивляйся, Наташа. Это бесполезно. Ты принадлежишь только мне. И чем быстрее ты это поймешь, тем легче тебе будет. Я не причиню вреда, если ты будешь послушной. Но если ты попытаешься сбежать, если попытаешься обмануть меня, тогда ты пожалеешь о том дне, когда родилась.

Он резко отступил, оставив меня наедине с его словами и его абсолютной уверенностью в своей власти. Я стояла, словно парализованная, чувствуя, как мой мир сжимается до размеров этого человека, который решил, что может владеть мной. Так хотелось вырубить его прямо сейчас, но это нарушит мои прежние планы.

Что является естественным для обычной женщины после такого «признания» мужчины? Правильно, обида! Нужно показать женскую обиду, решила я. Медленно направилась в противоположную от кухни сторону. Проходя через большой арочный проем в гостиную, я выкрикнула:

– Ты очень любезен, дорогой друг, но я, пожалуй, отдохну от твоего гостеприимства.

В кухне жарилось мясо и овощи, по запаху специй блюдо было мне знакомо. Сидя в кресле у большого камина, я рассматривала роскошную гостиную. Мягкие диваны, украшенные подушками разных оттенков, создавали атмосферу уюта. Я обвела взглядом шелковые песочные стены, украшенные картинами, на которых были изображены пейзажи.

Через полчаса встала и подошла к кухне, где он, казалось, был полностью поглощен процессом готовки, не замечая, что я вернулась.

– Знаешь, Алексей, – произнесла я, стараясь говорить спокойно, – если ты думаешь, что сможешь мной управлять, то я в этом сильно сомневаюсь, но стоит попробовать. В конце концов, я теперь свободна. Мне нужно время, чтобы узнать тебя лучше, нового тебя!

Он обернулся, его глаза встретились с моими, и в них я увидела довольного хищника перед трапезой. Но теперь в его глазах не было прежней властности, а лишь настороженность, смешанная с чем-то новым, неуловимым и заигрывающим со мной.

– Ты сдаешься? – удивленно спросил он.

– Нет! Дай мне, скажем, месяц, – ответила я в его же интонации.

Я сделала шаг вперед, приближаясь к нему, к запаху жареного мяса и специй, к его миру, который он так стремился мне навязать. Мои слова, произнесенные с нарочитой небрежностью, были лишь частью игры, маской, скрывающей истинные намерения. Я не искала любви, я искала информацию.

В его глазах увидела не только собственничество, но и проблеск сомнения. Он ожидал страха, покорности, слез. Но вместо этого видел меня, стоящую перед ним, спокойную, изучающую, готовую к диалогу, но не к подчинению. Я же видела в его глазах не только желание обладать, но и нечто большее – любопытство.

– Наташенька, за месяц я сойду с ума. Быть рядом с тобой и не трогать тебя – это выше моих сил, – игриво говорил он, притягивая сильными руками меня к себе.

– Ну тогда две недели. Договорились? – ответила я, исходя из принципа – всегда проси большее, чтобы получить то, что хочешь.

Он медленно наклонился и коснулся нежным поцелуем моих губ. Я почувствовала, как губы Алексея горят, а дыхание становится все более прерывистым. Это было не просто желание, это была его страсть, которую он не мог скрыть. Я знала, что играю с огнем. В каждом его прикосновении я ощущала напряжение, которое накалило атмосферу вокруг нас.

– Я не умею ждать, – выравнивая свое дыхание произнес он, отстраняясь на мгновение и глядя мне в глаза.

Его голос звучал низко и уверенно.

– Тогда насилуй меня, – равнодушно ответила я, не отводя взгляда. – Бери тело и забудь о моей душе, как и обо всем остальном.

Он усмехнулся и, казалось, задумался. Я заметила, как его челюсти напряглись и сжались, и это только усилило мою решимость.

– Ты всегда так опасно играешь, Наташа? – процедил он сквозь зубы, наклоняясь ближе, так, что его дыхание коснулось моего лица. – Не забывай, что я могу взять тебя прямо здесь.

– Возможно, но тебе это не понравится, – произнесла я, не отводя взгляда.

Внутри меня разгоралось чувство уверенности, как никогда прежде. Я шла ва-банк, прося считав его действия. У Алексея цель – подчинить меня всю целиком. А это дорогого стоит, с такими, как я, и он это знает. Люди, стремящиеся к такой цели, умеют ждать!

Он приблизился теснее, и я почувствовала тепло его тела. Это был момент, когда ожидание и напряжение перерастали в действие. Я знала, что он хочет меня, но убеждена в том, что Алексей сдержится.

– У меня встал с того момента, как я тебя увидел, но думаю, что две недели я продержусь. Пошли ужинать. Я хочу утолить хотя бы этот голод, – резко отпуская меня, ответил Алексей.

Под прекрасный ужин молча я допила свой бокал вина и отправилась спать, в комнату, которую показал Алексей. Мой организм уже подстроился, и временная разница не ощущалась.

ГЛАВА 8

Еще не открывая глаз, чувствовала, как мое тело начинает гудеть в предвкушении тренировки. Потянулась, лежа в постели, и напряжение мышц отступило. Привычка – это составляющая жизни любого человека. В моей жизни все факторы приходящие и уходящие, а тренировка тела и ума вечна.

Поднявшись с постели, осмотрела свои узкие джинсы и усмехнулась. Занятно будет в них заниматься. Нужно у своего тюремщика попросить хотя бы минимальный набор одежды. Оделась в то, что есть, и отправилась искать для начала Алексея, чтобы согласовать свои права на передвижение по территории, и уж потом найду тихое место для уединения. Он сидел в гостиной и читал книгу.

– Доброе утро. Скажи, я могу выходить из этого замечательного дома? – тихо спросила, оперевшись на левую сторону арочного проема перед гостиной.

– Зачем? – удивленно спросил он.

– Видишь ли, мне необходимы уличные прогулки, свежий воздух, ну и пробежка. А еще хотя бы минимальный набор спортивной одежды. Сам видишь, у меня одна футболка и джинсы, и те на мне. Я же не рассчитывала, что окажусь запертой здесь, – равнодушно ответила ему.

– Наташенька, сегодня все привезут. Я просто не знал твой размер. А по поводу прогулки, могу составить тебе компанию, – спокойно говорил Алексей, отложив книгу и медленно двигаясь на меня.

Он встал напротив. Его предложение составить компанию казалось скорее контролем, чем заботой.

– Спасибо за предложение, Алексей, – ответила я, стараясь сохранить нейтральный тон. – Но я предпочитаю бегать в одиночестве. Это помогает мне сосредоточиться. А насчет одежды, я буду ждать.

Я не стала ожидать его ответа, развернулась и направилась к выходу из дома. Мне нужно было найти свое собственное пространство, где я могла бы полностью отдаться тренировке, не отвлекаясь на чужие взгляды и оценить его территорию.

Выйдя на широкое гранитное крыльцо, я достала из кармана бейсболку и натянула ее на голову, предварительно освободив длинный хвост. Солнце уже высоко стояло на небе. Размяв стопы, я начала легкую пробежку, направляясь к границам усадьбы.

Территория простиралась примерно на два гектара, включая внутренний лес усадьбы. Воздух конца октября был прохладным и чистым, наполненным ароматом хвои и влажной земли. Каждый вдох наполнял легкие силой, пробуждая тело.

Я бежала, ощущая, как мышцы отзываются на нагрузку, как сердце начинает биться в ритмичном темпе. В этом лесу, в тишине, я чувствовала себя по-настоящему живой. Здесь не было оценочных взглядов, не было ожиданий, только я и мое тело, работающее в унисон. Ощущала, как напряжение, накопившееся за эти сутки, растворяется с каждым шагом, с каждым вздохом.

Добравшись до дальнего края территории, я остановилась. Передо мной открывался вид на небольшие холмы находящиеся за высоким кирпичным забором. Они были покрыты густым лесом, уходящим вдаль, к горизонту. Я решила, что мне предстоит многое узнать об этом месте, о его обитателях, и, конечно, о своем «хранителе». Но сейчас, в этот момент, меня волновало только одно – возможность продолжать движение.

Осмотревшись, никого из охраны взглядом не нашла. Выровняв дыхание, приступила к любимой технике ката, с небольшими изменениями. Тело отзывалось послушно, готовое к любым нагрузкам. Я чувствовала, как каждая клетка моего организма пробуждается, наполня-

ется энергией. Мои движения были уверенными, собранными и отточенными. Это было мое время, мое пространство, где я могла быть собой, без масок и притворства. Я прекрасно владела самбо и другими видами единоборств, но больше всего любила ножевой бой и стрельбу.

Перейдя к йоге, задействовала глубокие мышцы в статических позах и концентрацию на удержание равновесия, работу мышц стабилизаторов и скрытых мышечных слоев. Закончила тренировку медитацией, давая организму отдых, успокоение и восстановление.

Когда солнце поднялось еще выше, я решила вернуться. Мне нужно было оценить дом, понять его планировку и слабые места. После тренировки, впрочем как всегда, мое тело было к этому готово, мой разум был сосредоточен.

– Охрана в полном шоке от тебя, – раздался насмешливый голос Алексея из кухни. – Спрашивают, что это вообще такое. Мне показали видео с уличных камер, и я увидел тебя с совершенно новой стороны, Наташа. Ты великолепно владеешь своим телом. Только я никак не возьму в толк, зачем тебе все это? Ты моя женщина, и такие тренировки тебе теперь совершенно ни к чему.

– Позволь это решать мне. Невозможно сразу перестроиться, – спокойно ответила Алексею и направилась в свою комнату.

В отведенной мне спальне была своя ванная комната. Скинув одежду, я отправилась в душ. Вода смывала следы тренировки и дарила умиротворение. Стоя под прохладными жесткими струями воды, я наслаждалась чувством легкости и размышляла. Алексей, конечно, не мог меня понять. Его мир был миром власти, контроля и демонстрации силы, но не внутренней, а внешней. Он привык к тому, что женщины в его окружении – хрупкие куклы, а не существа, способные управлять своим телом и разумом на таком уровне, как я.

Вышла из душа, завернувшись в мягкое полотенце. В зеркале отразилась женщина, чьи глаза горели спокойной уверенностью. Я была охотницей, готовой к любой добыче, к любой опасности. И эта готовность требовала постоянной отточки своего физического состояния. Почувствовав чужое присутствие в комнате, я сменила угол обзора и через отражение в зеркале увидела его, стоящим в дверном проеме, как изваяние.

– Ты очень красивая, дикая кошка, Наташа, – тихо сказал он и двинулся ко мне. – Только вот я еще не разобрался львица или пантера, стайная ты или одиночка.

Я обернулась, наблюдая, как его взгляд становится всё темнее, а дыхание учащается. Он подошёл так близко, что я чувствовала его присутствие всем телом. Его наглые глаза скользили по мне, изучая каждый сантиметр. В этом взгляде было что-то гипнотизирующее, что заставляло моё сердце биться в ускоренном ритме, будто мы оказались в танце, где каждый шаг был выверен, но при этом полон спонтанности.

– И часто ты собираешься так неожиданно врываться? – спросила я, стараясь придать голосу легкую иронию.

Алексей остановился, и в его глазах заиграли огоньки интереса.

– Рассчитываю всю жизнь, – ответил он с загадочной улыбкой, – если ты не будешь против.

Я слегка приподняла бровь.

– Мне казалось, мы договорились на две недели, – произнесла я, наклонив голову в сторону, подчеркивая свою независимость и напоминая ему о данном обещании.

Он шагнул ближе, и я ощутила его возбуждение.

– Я всегда держу свое слово, если ты об этом, – сказал он, его голос стал глубже и серьезнее. – Но я не обещал не смотреть и не касаться тебя.

В этот момент я поняла, что он ведет игру – соблазнение. Возможно, простую и прямолинейную, но свою игру. Видимо, Алексей не знает, что на таких, как я, не действуют разговоры о любви с выходом в свисток.

– Хорошо, что уточнил, – произнесла я, и в этом коротком предложении заключалась вся моя решимость.

Алексей медленно поднял руку и стянул с меня полотенце. Я стояла перед ним совершенно обнаженная и мокрая, капли воды стекали с моих длинных волос, образуя на теле тонкие струйки. Его пальцы, коснувшись моей кожи, были горячими, словно угольки, и я невольно вздрогнула. Я чувствовала его едва сдерживаемую страсть. Взгляд Алексея, теперь уже не просто изучающий, а полный желания, задержался на моих губах. В этой игре, где слова были лишь прелюдией, а взгляды – обещанием, я ощущала себя одновременно и добычей, и охотницей. Он не пытался меня уговорить. Он предлагал другое – здесь и сейчас, без лишних слов. Его рука, скользя ниже, коснулась моей талии, и я почувствовала, как по телу разливается тепло.

– Как же ты невероятно красива и нежна, – шепотом сказал он мне на ухо.

– В твоём холодильнике завтрак для меня найдется? – я резко сменила тему.

Он разочарованно отпустил меня и направился к выходу.

– Да. Я все приготовил. Ждал только тебя, – сказал через плечо Алексей.

Не могла удержать улыбку, когда он произнес эти слова. В его голосе звучала смесь нежности и растерянности. Когда он открыл дверь, я почувствовала, как поток свежего воздуха ворвался в ванную комнату. Шагнула следом и, оказавшись в спальне, с интересом смотрела на появившиеся здесь большие пакеты, сложенные на маленьком диване.

– Здесь вся необходимая одежда, – произнес он с легкой улыбкой.

– Спасибо за заботу, – иронично ответила я.

Алексей остановился и наклонился ближе, его глаза светились озорством.

– Жду тебя внизу, – ответил он, и в его голосе зазвучала игривость.

Я не могла не улыбнуться в ответ. Алексей ушел, а я принялась разбирать содержимое пакетов. Футболки, джинсы, спортивные костюмы – каждая вещь вызвала у меня улыбку. Казалось, здесь было все, но это было похоже на подготовку к домашнему заключению. Открыв последний пакет, я замерла от удивления: там лежали комплекты дорогого нижнего белья с соответствующими им короткими халатами.

Натянув новые джинсы и обтягивающую белую футболку, я отправилась завтракать, когда часы показывали полдень. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, и его лучи пробивались сквозь большие окна с решетками. Он сидел за столом в простой футболке и джинсах, но даже в этом наряде выглядел привлекательно. Его волосы слегка растрепались, а на лице играла легкая улыбка, когда он увидел меня.

– Надеюсь, я угадал с завтраком? Яичница и бекон, тосты и блинчики, фрукты и сок. Ты же к этому привыкла? – вызывающе и провокационно сказал он.

– Как ты понял? – в ответ холодно задала ему вопрос.

– По твоей фирменной бейсболке и многому другому. Твой образ и вещи вписываются только в эту страну, – нагло улыбаясь ответил Алексей. – Значит, ты жила в Штатах?

– Да, – сухо произнесла я.

– Теперь многое становится понятным, – продолжил он. – И чем ты там занималась?

– Ничем. Скудной работой в посольстве, – отрезала я.

– Ты знаешь, – начал он, отложив вилку, – я всегда мечтал о том, чтобы приготовить завтрак для кого-то особенного.

Я подняла на него глаза и внимательно присмотрелась, казалось, в его глазах отражалась искренность.

– А разве ты готовишь не потому, что я здесь пленница? – спросила я с легкой улыбкой.

– Я готовлю потому, что ты вернулась в мою жизнь, – ответил он, и в его голосе звучала уверенность. – Просто не могу упустить этот шанс.

Алексей хмыкнул и засиял, как намытый самовар из моего детства. Дальше я молча завтракала. Чувствовала, как он внимательно рассматривает меня, словно старинную картину,

медленно, как ценитель, снимая слой за слоем. Закончив, я вымыла за собой посуду и отправилась в гостиную.

Моя цель здесь – получить информацию. Я, конечно, следила за тем, что происходит на родине, но понимала, что СМИ и официальные источники не всегда отражают истинное положение дел. Отведенные себе дни я собиралась потратить на привычные занятия: тренировки, просмотр политических и новостных программ, а также беседы с Алексеем о криминальном мире и наблюдения за ним. Все это должно было помочь мне составить полную картину происходящего и принять важное решение.

Я устроилась в кожаном кресле, которое оказалось на удивление удобным, и включила телевизор. На экране мелькали лица политиков, звучали тревожные сводки новостей, обсуждали роковые события и последствия начала октября 1993 года. Перечислялись причины и следствия, которые привели страну к такому состоянию, и количество жертв среди гражданского населения. Я искала не просто информацию, а суть, скрытые мотивы, те нити, которые связывали прошлое с настоящим.

Алексей, заметив мое сосредоточенное лицо, подошел и сел напротив, не нарушая тишины. Так прошло несколько часов. Он молча сидел и читал книгу, а я внимательно смотрела телевизор. Я привыкла видеть то, чего не видят другие, слышать то, что скрыто за словами. Вывод пока напрашивался нехороший – половина новостей из телевизора были пустой информацией, а порой и откровенной ложью. Это хорошо читалось по лицам политических деятелей, по их интонации, мимике, жестам.

– А ты у меня весьма интересная девочка, Наташенька. Другая бы женщина занялась готовкой еды или попросила бы поход в магазин, ну в крайнем случае, смирилась бы и соблазнила меня. А ты интересуешься тем, что тебя уже не касается, – уверенно сказал Алексей, отрываясь от чтения книги.

– Я просто знакомлюсь со своей страной. Мне здесь жить, – сухо ответила и выключила телевизор. – Алексей, расскажи мне свое видение того, что происходит.

Разговоры с ним о криминальном мире были для меня не менее важны, чем просмотр новостей. Он был частью этого мира, знал его изнутри, понимал его законы и правила. Его цинизм и прагматизм были для меня ценным источником информации, позволяющим взглянуть на вещи с другой стороны, без прикрас и иллюзий, без политической лжи. Он встал и подошел к дивану.

– Хорошо, – скупое ответил он. – Иди сюда.

Алексей неспешно опустился на большой диван и устремил на меня взгляд. Я подошла, не совсем понимая, чего он ждет.

– Присаживайся, моя дорогая. Не бойся. Нам предстоит долгий разговор, – сказал он, похлопав себя по коленям.

ГЛАВА 9

Ситуация сложилась любопытная. Он явно решил провоцировать меня. Его игра продолжалась, и я, не колеблясь, уселась ему на колени. Если бы Алексей хотел меня обидеть, то уже давно бы это сделал. А информация, полученная в интимной обстановке, – более достоверная, потому что даже бумага умеет врать.

Его глаза, обычно скрывающие глубину, сейчас казались особенно проницательными, словно он пытался прочесть мои мысли, угадать мои намерения. Я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань одежды, ощущала его дыхание на своей щеке. Это было не просто физическое сближение, это было погружение в его мир, в его правила. Я уже поняла, что он из людей, которые не терпят слабости, не прощают ошибок. И сейчас он ждал от меня не просто послушания, а готовности принять его реальность без сомнений.

Я подняла голову, встречаясь с ним взглядом и смело села на его колени, как будто это было самое естественное место для меня. Это теперь была моя игра. Я должна была показать ему, что я не просто любопытный наблюдатель, а человек, способный понять и принять его мир, даже его темные стороны.

– Ох, с огнем играешь, Наташка, – прозвучал его голос, низкий и бархатный, но с едва уловимой стальной ноткой иронии.

Он не задавал вопрос, он констатировал факт, ожидая моего подтверждения или опровержения. Я слегка наклонила голову, позволяя своим волосам коснуться его плеча.

– А ты чего ожидал, мой школьный друг? – ответила я, и в этих словах была решимость.

Он усмехнулся, и эта усмешка была словно приговор и одновременно одобрение. Его рука легла на мою талию, нежно, но властно, притягивая меня еще ближе. Я чувствовала, как напряжение в его теле постепенно спадает, сменяясь чем-то более мягким, но не менее сильным.

– Ну, хорошо, – произнес он, и на этот раз в его голосе звучало удовлетворение. – Тогда слушай. То, что я тебе расскажу, не найдешь ни в одной газете, ни в одном новостном выпуске. Это то, что движет миром на самом деле, то, что скрыто от глаз большинства.

Он замолчал на мгновение, словно собираясь с мыслями, и я ждала, затаив дыхание, готовая впитать каждое его слово, каждый его жест, каждое его откровение.

– С какого года начинать? – уточнил Алексей.

– Я уехала из Союза в 90 году, – честно ответила ему.

– Понятно. Пропустила самое значительное и интересное. Девяностый год, – повторил он, словно пробуя слово на вкус. – Да, это был год, когда старый мир начал трещать по швам, а новый еще не обрел своей формы. Это как огромный корабль, который медленно меняет курс, и ты, вместо того чтобы быть на борту, наблюдаешь за ним с берега. Ты видишь движение, слышишь гул, но не чувствуешь вибрации палубы под ногами, не ощущаешь запаха соли и ветра, не видишь, как команда борется со стихией. Я тогда уже год, как вернулся из армии и начал вставать на ноги. Собирал парней. Отбирал ближний круг.

Он слегка сжал мою талию, словно подчеркивая важность своих слов.

– То, что движет миром, – это не ваша разведка, не экономисты, и уж точно не те, кто кричит громче всех на площадях. Это те, кто дергает за ниточки, кто направляет все потоки, кто создает нужные иллюзии, в которые верят массы. Это те, кто понимает, как работает человеческая психология, как управлять страхами и желаниями, как формировать общественное мнение. Это искусство манипуляции в чистом виде, возведенное в ранг политики.

Его голос стал тише, почти шепотом, но от этого его слова приобрели еще большую силу.

– Ты думаешь, что распад Союза был результатом внутренних противоречий, экономических проблем, или, может быть, воли народа? Это лишь верхушка айсберга, красивая обертка

для куда более сложной и многослойной игры. На самом деле, это был тщательно спланированный процесс, инициированный теми, кто понимал, что старая система себя исчерпала, и кто хотел построить новую, более выгодную для себя и установить новые правила игры.

Он отпустил мою талию, но его рука осталась рядом, словно готовая вернуться в любой момент.

– И знаешь, самое интересное, – продолжил Алексей, глядя мне прямо в глаза, – это то, что многие из тех, кто тогда дергал за ниточки, до сих пор у власти, или, по крайней мере, имеют огромное влияние. Они просто сменили маски, перекрасили флаги, но суть осталась прежней. Они научились играть по новым правилам, и, надо сказать, преуспели в этом. Они создали мир, в котором правда – это то, что выгодно в данный момент. Мир, в котором иллюзии продаются лучше, чем реальность, а страх – лучший мотиватор.

Он сделал еще одну паузу, словно давая мне время переварить услышанное. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем часов.

– Это не заговор в классическом понимании, это скорее система, в которой каждый играет свою роль, осознанно или нет. Система, в которой личные интересы переплетаются с глобальными, в которой деньги и власть – главные движущие силы. Девяносто первый и второй – это было время больших возможностей и больших потерь. Время, когда рушилась страна и создавались новые состояния. Время, когда люди теряли все и вынуждены были искать себя. Время, когда ложь стала нормой, а сила способом выживания.

Алексей рассказывал долго и с подробностями про августовский путч 1991 года, про рождение новой России, про либерализацию цен и начало гиперинфляции, про государственную приватизацию, про приход первого президента и конституционную реформу, вооруженные столкновения в Москве, названные роковым октябрём 93 года, и в одно мгновение изменившийся народ, когда-то великой страны. Я слушала его взгляд изнутри, и это было весьма познавательно.

– Подожди. А как на фоне таких политических и экономических потрясений активизировался и разросся криминальный мир? – спокойно и как бы недоумевающая спросила я.

– Девочка моя, – улыбаясь, продолжил Алексей. – В нашей любимой стране наступила неопределённость и хаос. Все переходили к дикому капитализму через рыночную экономику. Оголтелая приватизация и создание новых форм собственности породили у народа стремление срочно занять свои ниши, но чёткого контроля со стороны государства нет. Люди лишаются работы, оказываются в сложном положении, а стремительная инфляция полностью обесценивает их накопления. В итоге вчерашние честные труженики готовы идти на преступления ради выживания. Изменились ценности, дорогая моя. Теперь авторитетные профессии – не инженеры, учителя и врачи, а богатые и влиятельные люди, как я. Это ты там сидела в Штатах, а мы тут выживали.

– Алексей, а почему, если ты это понимаешь, то не помогаешь хотя бы родному городу? Ведь у тебя есть такая возможность! Думаю, за стоимость твоей усадьбы в мраморе и картинах ты мог бы значительно преобразить этот город, – провокационно спросила я, слезая с его колен.

Его улыбка постепенно исчезла, уступив место глубокой задумчивости. Он смотрел в окно, где за стеклом ходила охрана. Алексей повернулся ко мне, и в его глазах мелькнул хищный оскал.

– Видишь ли, Наташенька, выживает сильнейший, – наконец произнес он, слегка вздохнув. – Я и так делаю много. Всю страну делят и разворовывают. Это я в свой город никого не пускаю. Для этого и содержу пару сотен своих ребят. Это здесь я один хозяин, а есть города, где рвут на куски, и там есть и два, и три, и четыре хозяина, которые между собой воюют. Встречаясь с ними, порой слышишь такое, что непросто принять.

– Понятно, – сухо ответила я.

Я почувствовала, как в гостиной сгустилась атмосфера. Его слова, произнесенные с ледяным спокойствием, прозвучали как приговор. «Выживает сильнейший» – вот и вся его философия, его оправдание собственного обогащения за счет обнищания других. В этот момент я увидела его истинное лицо, маску успешного бандита и бизнесмена, под которой скрывался безжалостный хищник. Внутри меня нарастала волна возмущения. Как можно так цинично рассуждать о судьбах людей, о родном городе, который он когда-то, наверняка, любил? Как можно спокойно смотреть на разруху и нищету, зная, что в твоих силах изменить ситуацию?

Его слова резали как нож, обнажая пропасть между нами. Мне нечем стало дышать в этом роскошном, но пропитанном ложью доме. Мне хотелось вырваться на свежий воздух, подальше от этого человека, от его философии, от его власти.

– Пойду пройдуся, – сказала я, стараясь сохранить спокойствие в голосе. – Спасибо за честный разговор.

Алексей молча кивнул, не отрывая взгляда от окна. Его хищный оскал снова мелькнул в глазах. Я вышла из комнаты, оставив его наедине со своими мыслями и своими богатствами. Но в моем сердце остался горький осадок от встречи с человеком, который предал свою страну, свой народ и, возможно, даже самого себя.

Гуляя по его территории среди множества деревьев, я переваривала всю полученную информацию, которой пока было мало. Что еще имеем? Меня привезли в дом и держат пленницей, пока не насилуют, но явно хотят. Время еще есть, необходимо Алексея дальше раскручивать и ждать парней, тогда и будет понятно, что делать. Внезапно к воротам усадьбы подъехала машина. Я увидела, что Алексей вышел на крыльцо.

– Наташа, иди в дом, – приказал холодно он.

Я медленно повернулась и направилась к дому. Необходимо было найти способ его раскрутить и узнать больше. Войдя, я оглядела стены и окна. На первом этаже одно из окон приоткрылось к террасе. Я медленно приоткрыла окно, наблюдая, что ворота открылись и машина подъехала к дому. Нужно сохранять спокойствие и действовать осторожно. Спрятавшись за портьеру, я продолжила наблюдение из своего укрытия, видя, как Алексей и мужчина, вышедший из машины, идут к террасе.

– И она здесь? – удивленно спросил грубый голос.

– Да. Мне удалось наконец-то ее поймать, – довольно ответил Алексей.

Они сели в массивные кресла, и я узнала этого человека. Это был старший брат Алексея.

– А я к тебе, Суровый, по своим мэровским делам, – сказал Вячеслав. – Ребят своих дашь? Может теперь, когда ты натрахался, станешь добрым!

– Ты ее очень недооцениваешь, Славка. Такая женщина по койкам не прыгает, – засмеялся Алексей. – Она стала просто красавицей и хищная, как львица.

– Ты хочешь сказать, что в твоём доме находится баба, которую ты ждал и искал столько лет, и ты до сих пор не отымел ее? – удивленно спросил Вячеслав.

– Она не баба! – рыкнул Алексей. – Выбирай выражения! Не называй так мою любимую женщину.

– Ты чего, Леша, не можешь ее сломать? Это на тебя не похоже. А она точно твоя? – тихо ответил старший брат.

– Я не хочу ее ломать, но она будет моей, – уверенно ответил Алексей.

Мое сердце бешено колотилось. «Любимая женщина»? Неужели он действительно испытывает ко мне такие чувства? Этот разговор становился все более запутанным и тревожным.

– Тогда зачем она тебе? – продолжал допытываться Вячеслав. – Чтобы пыль с нее сдувать? Ты же не романтик, Леша.

– Она мне нужна живой, брат. И здоровой. Понимаешь? – отрезал Алексей. – Ты получишь моих ребят. Но сначала расскажи, что за дела у тебя, которые требуют моей личной охраны.

Вячеслав замолчал на мгновение, словно обдумывая свои слова.

– Дела грязные, Леша. Очень грязные. Но тебе лучше не знать. Чем меньше ты знаешь, тем спокойнее будешь заниматься своей любимой женщиной. И не забудь, что бывшие шпионки не так просты, как могут показаться на первый взгляд.

Алексей резко встал с кресла.

– Говори. Я не маленький мальчик, чтобы меня пугали «грязными делами». И если это касается моей территории, я имею право знать, – приказал Алексей.

Напряжение в воздухе сгущалось. Я понимала, что сейчас решится многое. Нужно было оставаться предельно осторожной и не упустить ни единого слова.

– Помнишь договор аренды на рыночную территорию? Так вот, он заартачился, этот придурак. Будем решать вопрос жестко, – ответил Вячеслав.

– Согласен. Бери ребят, – одобрительно ответил Алексей. – И сделайте все чисто.

Вячеслав облегченно выдохнул. Видимо, ожидал большего сопротивления от своего младшего брата. Он, точно, хорошо знал характер Алексея. Даже я за сутки поняла, что он не любит, когда ему недоговаривают, особенно если это касается его собственности, а город он считает своим.

– Тогда сегодня в семь вечера жду твоих парней. Главное, чтобы не было лишних глаз и ушей, – проговорил Вячеслав, поднимаясь с кресла.

Алексей кивнул, провожая его тяжелым взглядом. Он стоял неподвижно, как изваяние, и потом резко, как будто на что-то решившись, направился в дом. Я мгновенно влетела по пустому дому на второй этаж в свою комнату и села в кресло. Через пару минут дверь в мою спальню распахнулась. Ни стука, ни просьбы разрешить войти не прозвучало.

Я видела его напряженный взгляд и исходящую от него бешеную энергию. Взгляд Алексея был пронзительным, злым и изучающим. У меня мелькнула мысль, что он знает о том, что я подслушивала. Я сидела молча в кресле и чувствовала себя словно под лупой. Сейчас не хватало только ослепляющей лампы, направленной мне в лицо. Алексей был как натянутая пружина, готовая в любую секунду сорваться в полет и снести все на своем пути. Я судорожно думала, как разрядить обстановку, и тут элементарная женская хитрость подсказала мой следующий ход.

– Леш, а ты можешь мне показать, какие фильмы сейчас смотрят у вас? – тихо спросила я. – Если, конечно, ты освободился. Что-то я подустала от этой политики.

Его взгляд в одну секунду стал человеческим, в нем исчезла жестокость и властность, недовольство и агрессия, с которыми он ввалился ко мне. На смену этим тяжелым эмоциям пришла тихая затаенная боль, которую он носил в себе годами.

– Ты, Наташка, как из другого мира пришла. Как долгожданное весеннее солнце после суровой зимы. Пошли, посмотрим, что у меня есть в фильмотеке, – улыбнувшись больной улыбкой, ответил он.

На мгновение мне даже стало жалко его, своего школьного друга, и стыдно от того, что я в его доме добываю информацию. Но это и было всегда моей работой. Если бы я не услышала того, что в результате своей вылазки услышала, то, возможно, все могло сложиться по-другому. А сейчас мне оставалось лишь одно – продолжать свою игру.

Алексей подошел ко мне и протянул руку. Я взяла ее, чувствуя легкую дрожь в его сильной ладони. Мы вышли из комнаты и направились в другую комнату, где я еще не была. По дороге он молчал, но я чувствовала, что напряжение в нем постепенно спадает.

Мы вошли, и я замерла. Это был домашний кинотеатр, расположенный в отдельном крыле богатого дома. Здесь было темно. Алексей включил свет и подошел к огромной стойке с кассетами. Он внимательно изучал названия, словно выбирая что-то особенное. Наконец, он достал кассету и, обернувшись ко мне, сказал:

– Твое образование по современной России начнем с этого, моя дорогая. Только вышел. Я специально просил, чтобы мне записали.

Я улыбнулась и кивнула. Алексей вставил кассету, и на экране замелькали кадры с названием фильма «Серые волки». Мы устроились в мягких креслах и погрузились в темноту. Я незаметно наблюдала за Алексеем. Он смотрел фильм с каким-то особенным вниманием, словно в каждом кадре искал ответы на свои вопросы. После фильма мы еще долго сидели в тишине. Алексей задумчиво смотрел в темноту экрана.

– Спасибо, Наташка, – тихо произнес он, – за этот вечер. Ты действительно как солнце.

А я сидела и, слушая его, размышляла над тем, что сейчас увидела. На душе было тяжело. Тишина давила, как бетонная плита. «Серые волки», значит! Получается, страна действительно разделилась на волков и овец. Обдумывая этот фильм о крушении моей страны, о предательстве, о тех, кто дергал за эти самые ниточки, о которых недавно говорил Алексей, я была немного потерянной. Он осторожно коснулся моей руки.

– Наташ, все у нас с тобой будет хорошо, – прошептал Алексей.

А я знала, что ничего хорошего не будет. Слишком много сломано, слишком много предано. Я вздрогнула и посмотрела на него невидящим взглядом, потому что в этот момент я вспомнила свой чистенький беленький дом в Мексике, на тихом острове Исла Мухерес, где было уютно и тепло. Я вспомнила легкий морской бриз, и мне хотелось спешно покинуть эту бедную страну, разрываемую противоречиями и людьми. Ничего у меня здесь не получится. Не смогу! Уже не хочу! Но Алексей, конечно же, не знал этого всего, как и того, что я их всех изучаю. Он думал, что я побитая собачонка, выброшенная за борт жизни.

– Согласись быть моей, Наташка. Я клянусь тебе, у тебя будет все и даже больше, – говорил он, а в его голосе звучала такая боль, что мне стало страшно.

Я видела, как он борется с собой, как пытается вырваться из той паутины, в которой запутался. Но выстроенная им же самим паутина была слишком прочной.

– Мне нужно подумать, – сказала я, не оборачиваясь. – Включай следующий фильм.

До поздней ночи я просматривала современные фильмы новой России, просчитывая шансы этой страны на лучшее будущее, и выстраивая в голове разные схемы.

ГЛАВА 10

Утром на завтрак Алексей пристально смотрел на меня.

– В тебе что-то изменилось, – сказал он.

– Не выпалась, – сухо ответила ему.

– Сегодня смотреть фильмы не будем, – продолжил Алексей. – Мне не нравится твое настроение. И вообще о политике говорить тоже не будем. Мне необходимо сегодня уехать. В доме будешь одна. Постараюсь вернуться побыстрее.

Он уехал сразу после завтрака, а я отправилась профессионально изучать дом и все его потайные места. Кабинет оказался снабжен хитрым замком. Но я, к счастью, прекрасно вскрываю практически любые замки. Через несколько минут дверь поддалась, и я оказалась внутри.

Кабинет был обставлен дорого. Тяжелый дубовый стол был пуст, кроме одной фотографии, сиротливо стоявшей в рамочке. Это была моя студенческая фотография! Огромный железный сейф находился в углу. На стенах висели картины в золоченых рамах. Я начала с осмотра стола.

В ящиках обнаружились простые счета, договора, какие-то распечатки с графиками и цифрами. Ничего интересного, кроме того, что я поняла, чем занимается Алексей. Документы были на английском и ряде европейских языков. И все они касались четырех аукционных домов, специализирующихся на продаже картин и произведений искусства.

Затем я перешла к сейфу. Он оказался куда сложнее, чем дверной замок, здесь нужно было оборудование, которого у меня не было. Решив отложить это до прибытия своих друзей, я начала осматривать книги на полках. В основном это были издания по экономике, юриспруденции и истории искусств. Следом осмотрев все комнаты, я не нашла ничего и двинулась в цокольный этаж. Вот здесь оказалось самое интересное. По находке нескольких тайников я поняла, что это не просто дом, это берлога! Его берлога! Смольный брали с меньшим арсеналом.

Поднявшись на первый этаж, я взяла сыр с плесенью и бутылку шампанского, отправляясь смотреть телевизор с политическими новостями. У этого Сурового было все, чего я и близко не обнаружила в холодильнике своей мамы. Самое главное, мне необходимо было перед Алексеем разыгрывать скучающую и беззаботную женщину. А он, судя его словам, должен был скоро вернуться.

Творящийся окружающий ужас и разоблачения, освещаемые в политических передачах, на трезвую голову выносить было тяжело. Сердце обливалось кровью. Моей, той родной великой страны, больше не существовало. Я здесь была совершенно чужой.

Когда я уже собиралась идти спать, входная дверь сообщила об открывающемся замке. Я продолжала сидеть на диване, лишь поджав ноги под себя. Тяжелые шаги, словно поступь загнанного зверя, приближались. И вот, Алексей опустился на колени передо мной, положив свою усталую голову мне на колени. Долгая, мучительная тишина повисла между нами, и я не решалась ее нарушить.

– Я вымотан сегодня до предела, Наташенька, – прозвучал его тихий, надломленный голос. – Прости, не смог вырваться раньше. Дела.

В нем не было и следа той властности, той силы, что обычно была через край. Он казался сломленным, раздавленным.

– Леш, что произошло? – прошептала я, коснувшись его волос.

Он медленно поднял голову. В его глазах плескалось такое растерянное удивление и отчаяние, что мое сердце сжалось от предчувствия беды.

– Повтори, – прохрипел он, словно боясь услышать то, что уже услышал.

– Что повторить? – недоуменно спросила я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

– Мое имя. Как ты его произнесла.

– Я сказала «Леша» и спросила, что случилось, – ответила я, внезапно почувствовав себя загнанной в угол.

Внутри поднималась тревога, заставляя принять оборонительную позицию. Лицо Алексея улыбалось мне, но какой-то тяжелой улыбкой.

– Я хочу, чтобы у нас были дети, – прошептал он, беря мои ладошки в свои. – Много детей. Сыновья и дочь. Хочу дочь похожую на тебя.

Я молчала, не понимая, что происходит. Его реакция была совершенно неадекватной. Какая-то странная, пугающая.

– Алексей, ты бежишь впереди паровоза, – мило улыбнулась в ответ.

Он покачал головой, словно пытаясь отогнать наваждение. Его взгляд блуждал по моему лицу.

– Нет, Наташа, – проговорил он тихо, но в его голосе звенела сталь. – Это самое правильное, что я могу сделать в этой жизни.

– Ты меня пугаешь, – призналась я, пытаюсь высвободить руки.

Алексей держал крепко, не позволяя выскользнуть ни одному пальчику.

– Почему? – тихо спросил он, не отрывая взгляда от моего лица.

Я замерла, словно окаменела. Этот вопрос прозвучал как гром среди ясного неба.

– Думаю, что тебе необходимо лечь спать, – прошептала я, стараясь сохранить спокойствие.

Он снова улыбнулся, но эта улыбка не предвещала ничего хорошего. В ней читалось отчаяние и какая-то обреченность.

– С тобой, – констатировал он, словно ставя точку в долгой истории.

– Не сегодня. У меня еще есть время, – тихо ответила я.

– Я лягу на диване. Не хочу быть один, – уверенно ответил он. – Не бойся, не трону тебя. Сегодня я действительно устал.

Он резко поднялся и взял меня на руки. От удивления и страха перед этим не очень адекватным мужчиной, я решила не спорить. Его состояние подсказывало мне, что сейчас не время для провокаций. Он пронес меня на второй этаж, но повернул не в мою спальню, а в свою. Алексей опустил меня на кровать, нежно, словно хрустальную вазу. Его глаза, полные смутения и какой-то затаенной боли, изучали мое лицо. Он провел большим пальцем по моей щеке, оставляя за собой легкое покалывание.

– Просто побудь рядом со мной, – прошептал он, отпуская меня. – Не уходи.

Я не знала, что ответить. Молчание казалось лучшим выходом в этой странной, напряженной ситуации. Он отвернулся и вышел из комнаты, оставив меня в одиночестве с моими страхами и непониманием.

Я прислушалась к его шагам. Он направился в ванную. Слышно было, как льется вода. Вскоре он вернулся, переодетый в домашнюю одежду. Лицо его было немного спокойнее, но в глазах по-прежнему читалась боль. Алексей подошел к дивану, стоявшему в углу комнаты, и улегся на него, не сказав ни слова. Я продолжала сидеть на кровати, не решаясь пошевелиться. Комната наполнилась тишиной, нарушаемой лишь его неровным дыханием.

– Спокойной ночи, Наташа, – тихо произнес он, закрывая глаза.

– Спокойной ночи, Алексей, – ответила я, чувствуя, как напряжение медленно отступает.

Я тихо легла и укрылась одеялом. Мысли крутились в голове долго, но усталость дня брала свое. Вскоре я погрузилась в беспокойный сон, полный смутных образов и тревожных предчувствий. Проснулась под утро, потому что матрас рядом со мной слегка прогнулся.

– Спи. Еще очень рано, – припечатал он и крепко обнял меня сзади, притянув к себе.

Тепло его тела приятно контрастировало с утренней прохладой. Что происходит? Почему он так себя ведет? Вопросы роились в голове, требуя ответов, но я боялась их озвучить, боялась

нарушить хрупкое перемирие, установившееся между нами. Прележав так какое-то время, я почувствовала, как его дыхание выравнивается. Он уснул.

Осторожно освободившись из его объятий, я тихо встала с кровати и направилась на кухню. Нужно было занять себя чем-то, отвлечься от гнетущих мыслей. Сварив кофе, я уселась у окна, наблюдая, как просыпается день. Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая небо в нежные розовые тона. Заканчивался октябрь, все вокруг было серое, и лишь красивый хвойный лес стоял зеленым. Вскоре я услышала его шаги. Он вошел на кухню, слегка растрепанный, но уже более собранный, чем вчера вечером. Взгляд его был направлен на меня.

– Доброе утро, – произнес он.

– Доброе утро, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

– Почему сбежала? – улыбнувшись, спросил Алексей.

– Не хотела тебя тревожить, а кофе сильно уж хотелось, – улыбнувшись ему в ответ, ответила я.

Он подошел к кофеварке, налил себе чашку и, молча, сел за стол. В воздухе повисла недосказанность, требующая разрешения. Что-то должно было произойти, должно было измениться. И я чувствовала, что этот момент уже близок.

– Где твой паспорт? – неожиданно спросил он.

– Не поняла. Зачем тебе это знать? – недоумевая ответила я.

– В ЗАГС, заявление подадим, – уверенно произнес Алексей.

– Я пока не готова к такому серьезному шагу, – улыбнувшись, я отвернулась к окну.

– Ты никогда не будешь готова. Мы с тобой старые холостяки, – засмеялся он. – Я сам распоряжусь все оформить.

Я ощутила, как кровь прилила к щекам. Чувствую, я тут досижу, что ситуация станет совсем ужасающей. Алексей ждал ответа, и я понимала, что у меня нет права тянуть время. Обернувшись к нему, я увидела в его глазах смесь надежды и решимости. Он действительно хотел этого.

– Мне нужно время, чтобы подумать, – тихо произнесла я. – Это очень серьезное решение.

Алексей кивнул, принимая мои слова. Он не стал давить, не стал уговаривать. Просто встал, подошел ко мне и нежно обнял.

– Хорошо, я подожду, – прошептал он мне на ухо. – Сколько нужно, столько и подожду. Но знай, я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. И еще я хочу детей от тебя.

Я промолчала. Мне нечего было ответить ему. Если бы он узнал правду, то прибил бы меня на месте. Для себя я уже решила, что страну нужно покидать. Главное – уговорить маму. Еще необходимо встретиться с генералом и попрощаться. А в принципе, меня здесь больше ничего не держало. Ночью буду уходить с его территории.

В воздухе повисло напряжение, которое можно было резать ножом. Я чувствовала его тепло, его любовь, и это делало мой побег еще более болезненным. Как объяснить ему, что я не могу остаться, не могу построить с ним семью? Правда была слишком опасной, слишком разрушительной. Отстранившись от него, я постаралась улыбнуться.

– Спасибо, что понимаешь, – прошептала я и пошла в свою комнату переодеться.

На самом деле, я лихорадочно обдумывала план. Нужно было действовать быстро и решительно. Каждый день, проведенный здесь, увеличивал риск моего разоблачения. И в этот момент сигнальный звук машины во дворе огласил округу.

– Наташа, из дома не выходи, – услышала я голос Алексея с первого этажа.

Я направилась на свой наблюдательный пост и посмотрела в окно. В беседку рядом с домом шли мужчина в форме милиции и Алексей, а на площадке у дома стояла белая ведомственная «Волга». Они радостно обнялись и смеялись. Мне отсюда ничего не было слышно. Их разговор длился примерно около часа, после чего мужчина уехал.

– Наташенька, иди завтракать, – сказал Алексей из кухни.
– Кто это был? – спросила я, входя.
– Начальник УВД. На нашей свадьбе познакомлю, – хитро улыбнувшись, ответил Алексей.

– А до этого приезжал твой брат? – отстраненно спросила я.
Он внимательно посмотрел на меня и строго сказал:
– Давай еще кое-что проясним. Ты не будешь интересоваться другими мужчинами, кроме меня. Никогда.

Я почувствовала, как внутри меня нарастает ледяная волна. Слова Алексея, произнесенные таким тоном, были как пощечина.

– Я просто узнала твоего брата, – равнодушно ответила ему.

Он подошел ближе, взял меня за руки и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был твердым и не допускал возражений.

– Я люблю тебя, Наташа. До безумства люблю. И я никогда не буду ни с кем тебя делить. Ни мысленно, ни физически. Ты моя, и только моя. Поняла?

Я подыграла ему, молча кивнула, чтобы не провоцировать. В его словах звучала собственническая страсть, от которой становилось страшно. Страшно, потому что я понимаю, насколько он может быть жестким. Я решила не спорить. Мне нужно было время, чтобы все обдумать.

– Мой брат поставлен мэром в этом городе. А это приезжал еще один человек, преданный мне. Они могут тревожить меня дома только по самым серьезным вопросам. Это бывает не часто. Пошли завтракать, – деловито пояснил Алексей.

За завтраком он был внимательным и заботливым. Казалось, будто утренний инцидент был лишь мимолетным затмением. Но ледяная волна внутри меня никуда не делась. Слова о полной принадлежности, о нежелании делить меня ни с кем, эхом отдавались в голове.

После завтрака Алексей уехал, а я осталась наедине со своими мыслями и тренировкой тела. Занимаясь йогой, я размышляла о произошедшем. Собственничество всегда казалось мне удушающей клеткой, пусть и золотой. Я, словно дикая птица, ценила вольный ветер свободы и независимости, и одна лишь тень контроля над моей личной жизнью вызывала бурю протеста в душе.

В его страсти таилась какая-то завораживающая, почти гипнотическая сила, притягивающая и отталкивающая одновременно. Он был соткан из противоречий: нормальный и безумный, циничный и вдруг заботливый, властный и порой удивительно порядочный. Жесткий эгоист, снедаемый ревностью, высокомерный и в то же время способный на проявления нежности и самоконтроля. В нем словно уживались два разных человека, вечно борющихся друг с другом.

Я включила телевизор. Местные новости рассказывали о пропавшем ребенке. Его искали повсюду. Репортаж заставил меня поежиться. Образ потерянного малыша, его испуганные глаза, мелькнули на экране, и эхом отозвались в моей душе. Я представила, как мечется в отчаянии его мать, и сердце сжалось от сочувствия. Это было ужасно.

Решив отвлечься от мрачных мыслей, я вышла на улицу. Охранники с интересом посмотрели на меня и продолжили заниматься обходом территории. Солнце ласково пригревало кожу, но тревога, поселившаяся внутри, не отпускала. Я шла между деревьев, стараясь сосредоточиться на красоте окружающего мира. Но тщетно. В голове снова и снова всплывал образ потерянного ребенка.

Осенний лес нашептывал свою мелодию. Каждый шорох казался мне отчаянным криком о помощи, каждый луч солнца – призрачной надеждой. Сердце сжималось от боли, представляя, как маленький, испуганный человечек бродит в одиночестве. Несмотря на близость леса,

я не помню, чтобы кто-то пропадал в нашем городе. Какая-то смутная тревога поселилась в душе.

Вернувшись в дом, я вновь погрузилась в политические хроники. Одна передача, словно змея, заворожила меня своим ядовитым содержанием. Она кружила вокруг темы расцвета организованной преступности в это смутное для страны время. Бандиты, словно раковая опухоль, метастазировали, фактически контролируя целые регионы, утопающие в крови вражеских разборок. Их щупальца проникали в легальный бизнес, опутав топливные компании и крупные предприятия. Связи в высших эшелонах власти питали их ненасытную жажду наживы, а многие из них сами грезили о креслах в высоких кабинетах.

Упоминалось также, как эти группировки решают споры, и что, по некоторым сведениям, они были единственной реальной властью в городе, снискав себе, к тому же, лицемерную славу щедрых меценатов. Вымогательства, заказные убийства, рэкет, торговля оружием и наркотиками – их арсенал. Организованные преступные группировки, с четкой внутренней структурой, иерархией и разветвленной сетью подразделений, словно спруты, проникли везде, получая информацию и избегая заслуженного возмездия. Даже меня, привыкшую к подковерным играм внешней разведки, тошнило от этой клоаки.

Цинизм происходящего обжигал нутро. Казалось бы, страна, едва освободившись от оков ненавистного прошлого, должна была строить светлое будущее. Но вместо этого она рухнула в еще более зловещую реальность, где произвол и беззаконие, облаченные в лицемерную маску демократии и перестройки, цвели пышным цветом. Это был не просто фарс – сюрреалистический кошмар, злая карикатура на надежду.

Отвернувшись от экрана, я ощутила, как в груди поднимается буря гнева и бессилия. Неужели это и есть та долгожданная свобода? Свобода для бандитов грабить и убивать безнаказанно? Свобода для коррумпированных чиновников набивать свои бездонные карманы? Свобода для целой страны скатываться в пропасть хаоса и нищеты?

В голове вспыхнули обрывки прошлого: годы учебы, три года службы во внешней разведке, опасные задания, постоянный риск. И это лишь моя скромная часть. А ведь я знаю тех, кто десятилетиями, не щадя себя, работал на благо страны! Ради чего же все это было? Ради того, чтобы теперь видеть, как плоды нашего титанического труда пожирает криминальная гидра и беспринципные политики? Нас не просто предали. У нас отобрали целую жизнь.

Ярость клокотала внутри, требовала выхода. Но куда ее направить? На призрачных врагов, восседающих в высоких кабинетах, купающихся в роскоши, нажитой на народном горе? Или на собственное бессилие, что не позволило предотвратить надвигающуюся катастрофу?

Память услужливо подбрасывала лица товарищей, павших в борьбе, веривших в идеалы, в светлое будущее. Они отдали свои жизни, чтобы мы жили свободными в справедливости и достатке. А что получили взамен? Разграбленную страну, погрязшую в коррупции и беззаконии. В горле пересохло от обиды и безысходности. Хотелось кричать, крушить все вокруг, но это была бы лишь пустая трата сил.

ГЛАВА 11

Я сидела на низком подоконнике и смотрела в большое окно сквозь толстые решетки. Серое небо темнело быстрее с наступлением вечера. Завтра – первый день подмосковного ноября. Холодный воздух на улице не располагал к прогулке по охраняемой его парнями территории, заставляя меня поежиться от одной только мысли об этом. Запах осени, смешанный с запахом сырости и гниения, проникал в теплый роскошный дом Алексея, напоминая о приближающейся зиме.

Провела рукой по холодному стеклу, чувствуя, как по коже пробегают мурашки. В голове роились мысли, беспорядочные и тревожные. Что ждет меня в будущем? Вопросы оставались без ответа, висели в воздухе, словно призраки.

За окном зажглись первые огни на всей территории. Маленькие желтые точки, мерцающие в темноте. Отметила для себя неосвещенные участки. Огни напоминали о жизни, которая продолжается, несмотря ни на что. О мире, который существует за пределами этих стен.

Доиграю свою роль, и сегодня же ночью постараюсь уйти. Решение я приняла. Возможно, однажды, я снова увижу мир без решеток, без ограничений и без страха, если смогу выбраться из этого города. Мир, где я смогу дышать полной грудью и чувствовать себя свободной. Мир, где я смогу быть собой. Осталось только понять, как сегодня же ночью вывезти маму, потому что в мой когда-то родной город больше возвращаться будет нельзя.

Машины въехали на территорию. Алексей вышел и сразу направился в дом. Я продолжала сидеть и смотреть в окно. Глухой звук сообщил о том, что отпирается замок моей темницы. Стало противно. Алексей прошел в гостиную и пристально посмотрел на меня.

– Что случилось, Наташа? – прозвучал его вопрос, жесткий, как удар кнута.

Взгляд Алексея словно сканировал мое лицо, безошибочно определяя бушующий во мне шторм.

– Ничего, Алексей. Просто я все поняла. Разобралась, что стало с моей родиной, и увидела тех, кого обязана за это «благодарить». И ты, Алексей, – один из них. Хозяин города, бандит, чья ОПГ держит в страхе каждый его уголок. И еще, ты держишь меня взаперти, – мои слова, холодные и четкие, резали воздух.

В его глазах, глубоких и темных, промелькнула тень. Не удивление – разочарование. Шаг вперед, и он стоял совсем близко, прожигая меня взглядом, словно стремясь выжечь сомнения.

– Ты ошибаешься, Наташа. Я не бандит. Я – бизнесмен. И все, что я делаю, я делаю во имя процветания этого города, – его голос, бархатный и убедительный, пытался окутать меня ложью.

Но я не верила. Слишком много фальши было в его глазах, слишком много крови на его руках.

– Процветание? На костях разрушенных жизней? На слезах матерей и сирот? Нет, Алексей, это не процветание. Это грабеж, – выплюнула я слова, не отводя взгляда, бросая ему вызов.

Усмешка скривила его губы, хищная и презрительная. Желваки заиграли на скулах, выдавая сдерживаемую ярость.

– Ты слишком наивна, Наташа. Мир – арена, где правит жестокость. Где выживает сильнейший. Я лишь следую правилам, установленным другими, – прорычал он.

– Нет, Алексей. Ты сам установил эти правила. И я отказываюсь играть в твою игру, – спокойно подытожила я.

– И что ты предлагаешь? – в голосе Алексея сквозила усталость, будто этот разговор вымотал его. – Стать святым? Пойти по миру, раздавая милостыню? Мир не изменится от твоего благородного порыва, Наташа. Он проглотит тебя и не заметит.

– Отпусти меня, – мой голос звучал спокойно и твердо, как лед. – Ты сам выбрал путь. Зачем же пытаешься навязать мне свой? Я так не смогу жить.

Он разразился смехом, коротким, словно удар хлыста, и злобным, как рык хищника.

– Отпустить?! Ну, нет, моя любовь. Ты грезишь о будущем, погрязнув в прошлом. Застряла в своих наивных идеалах. Мир – это большая волчья яма, циничная, прагматичная, эгоистичная. И я – плоть от плоти этого мира. Смирись с этим, – приблизившись ко мне, прямо в лицо говорил Алексей.

Я молчала, вглядываясь в его глаза, словно в бездонный колодец, надеясь отыскать хотя бы отблеск человечности, но видела лишь ледяной расчет и безграничную, всепоглощающую жажду власти надо мной.

– В таком случае, рано или поздно, я найду способ отсюда вырваться, – прошептала я, отворачиваясь к сумрачному окну. – Пусть даже через год или десять.

– Нет, моя дикая кошка, – прорычал Алексей, и в его голосе послышались стальные нотки. – Либо ты будешь примерной женой. Моей обожаемой и изнеженной женой. Либо я сломаю тебя, как тростинку, и ты до конца своих дней будешь прозябать в моем городе, под моим неусыпным надзором, а твоя мать будет ухаживать за тобой, раз воспитала такую непокорную дочь. Я сломаю твои нежные руки так, чтобы они никогда не смогли коснуться другого мужчины. Затем я перелломаю твои ноги, чтобы они никогда не смогли обвиться вокруг мужского тела в страстном порыве. Я превращу тебя в овощ, в тень, Наташа, в бессловесную куклу... но ты будешь принадлежать только мне.

Я внимательно посмотрела на мужчину, который еще вчера говорил о своей великой любви ко мне. Сейчас передо мной стояло озлобленное чудовище в дорогом костюме, на штанах которого я заметила капли крови.

– Ты мне угрожаешь? Человеку, который готов погибнуть за свою страну? Я готова к смерти, Алексей. А ты? Кстати, у тебя на штанах чья-то кровь, – спокойно сказала я, выходя из комнаты и поднимаясь на второй этаж.

– Ужин через час, – сухо ответил он.

Поднявшись в свою комнату, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять дрожь. Кровь на его штанах... Кто-то стал жертвой. Кто-то осмелился перечить ему, и заплатил за это.

Страх сковал меня, но вместе с ним поднималась и волна ярости. Страх нужно было показывать ему. А вот ярость и силу необходимо скрывать. Я не позволю ему сломить меня. Мне необходим был этот последний штрих. Подозревать и знать, это две разные вещи.

Звук стука в дверь вывел меня из размышлений. Он открыл дверь и тихо сказал:

– Прости меня. Пойдем. Нам нужно поговорить и поужинать.

Профессионал остается собой в любой ситуации. Я встала и пошла впереди него, как под конвоем.

В столовой уже был накрыт стол, сверкающий хрусталем и серебром. Алексей галантно отодвинул для меня стул, но в его глазах не было и следа раскаяния, лишь холодная расчетливость. Я села, стараясь не смотреть на него.

Ужин проходил в тягостной тишине. Алексей пытался завести светскую беседу, но мои ответы были односложными и отрывистыми. Я чувствовала, как страх вновь потерять меня парализует его, но одновременно с этим в Алексее зрела и решимость. После ужина Алексей предложил пройти в гостиную.

– Ты изменилась, – наконец произнес он, не поворачиваясь. – Ты больше не та наивная девушка.

– Я просто увидела твое истинное лицо, Алексей. И кровь на твоих штанах стала последней каплей. Кто стал жертвой твоей ярости? – мой голос звучал твердо, несмотря на внутреннюю дрожь.

– Ты должна понять, Наташа, это моя жизнь. Я люблю тебя. И ты обязана принять меня таким. Этот город – моя крепость, мое достижение. Я не откажусь ни от него, ни от тебя. Мы будем жить счастливо, в роскоши и достатке, но ты забудешь о лишних вопросах. А теперь давай поговорим серьезно, – медленно, словно смакуя каждое слово, произнес Алексей. – Я действительно веду легальный бизнес. Импорт металла, приватизация недвижимости – это лишь малая часть. Моя истинная страсть – антиквариат, старинные драгоценности, картины, любые предметы старины, наделенные историей и красотой. Твоя мама, как ты помнишь, прививала всей школе любовь к искусству. Видишь, я оказался прилежным учеником. Я не питаюсь подачками с грязных рынков и комков, как мои шестерки. Это их удел. А теперь поговорим о тебе. Капли крови, как я вижу, не сильно тебя беспокоили? Значит, ты не такая уж белая и пушистая, невинная овечка, какой себя представляешь. Сколько крови на твоих руках, Наташа?

– Мы наблюдаем и работаем головой, а не оружием. Ты меня с кем-то путаешь, – усмехнувшись, ответила я. – Видимо, у тебя весьма специфические представления о нас.

– Ах, да, я ж забыл! Когда вы там, то вы разведчики, рыцари плаща и кинжала. А когда ваши противники у нас, то они, конечно же, гнусные шпионы, – с кривой усмешкой произнес он. – Да, Наташенька? А я не люблю ни тех, ни других. Я люблю тебя, мою женщину. И готов ради тебя на многое.

– Да ты просто безумец, – отрезала я, чувствуя, как лед сковывает мое сердце. – Если вы допустите, чтобы они пришли сюда, то они уничтожат вас первыми – хозяев городов, заводов, пароходов. Они поставят своих марионеток. Поверь мне, Алексей, такие как ты будете первыми в их списке. Я видела их планы захвата России. Народ им не нужен. Им нужны ресурсы, территории и богатства нашей страны.

– Я знаю это, Наташа, – Алексей прищурился, и в глубине его взгляда вспыхнула злоеющая сталь. – Не мальчишка, чтобы верить в сказки. Этот мир прогнил до основания, и я знаю, как в нем выживать. Сам кого хочешь заставлю дрожать от ужаса.

Он шагнул ближе, и я невольно отшатнулась. Страх, словно липкая паутина, тронул мое сердце. Но я не должна выдать себя, не должна показать ему эту слабость.

– Это не сказки, а реальность, с которой уже столкнулась страна. Безжалостная и беспощадная реальность. Они не остановятся ни перед чем, – твердо сказала я.

Он отвернулся и подошел к окну. В задумчивости Алексей стоял несколько минут, а я наблюдала за ним со стороны. Вечер опустился, словно бархатный занавес, погружая гостиную в мягкий полумрак. Неожиданно Алексей включил музыку, и в его глазах заиграли отблески света от мерцающего экрана и настенных бра. Его голос, приглушенный и хриплый, прозвучал в тишине:

– Потанцуем, Наташа?

Комната словно сжалась от напряжения, от молчаливого противостояния. Он взял меня в объятия, и мы закружились в танце. Движения его были бережными, словно он боялся сломать меня. Все вокруг исчезло, оставив только нас двоих в вихре музыки. Мы танцевали молча, но в этой тишине кричало больше, чем в самых громких словах. Это был не танец любви, не танец доверия и не танец нежности. Это был танец глухого отчаяния.

– Я люблю тебя, Наташа. По-настоящему. Помню тебя гадким утенком с курносым носом, отчаянно выбивающей дух в казаках-разбойниках. Потом помню юной, трогательной девочкой на дискотеке в семнадцать лет. Хорошо запомнил так манящей меня озорной студенткой в двадцать, но с серьезными и далеко идущими планами. Что с тобой стало? Почему ты выбрала эту тропу – разведки?

Я долго молчала, а потом решила дать Алексею последний шанс добровольно меня отпустить. Так, как это сделал когда-то Димка. Он отступил в сторону, уважая мое решение и

память. Дал мне время, понимая мою боль. И только сейчас, спустя семь лет, предложил мне стать его женой. Пусть и шутя...

– Возможно, тебе стоит это знать, Алексей, – тихо начала говорить я. – На пятом курсе я дала согласие одному парню стать его женой. Два года он добивался меня, а девчонки всех факультетов вздыхали по нему. Артем был сыном советского дипломата в Азии. Тогда мы мечтали, как будем вместе работать в посольствах, бок о бок. Но на одной из дискотек какие-то бандиты, такие же, как и твои парни, ударили его ножом. Артем умер. Моя первая и единственная любовь, мой первый мужчина, мой единственный жених, который должен был стать моим единственным мужем. Тогда я и решила, что останусь ему верна. Поэтому, когда мне предложили работу на мою родину, я не раздумывала ни секунды. Я искала достойную смерть со смыслом, если так распорядится судьба, и готова была к риску.

– А я... – ошеломленный он взял паузу, после чего продолжил, – тогда с ума сходил, лишь бы ты ни в кого не влюбилась, лишь бы не отдала свою первую ночь какому-нибудь подонку. А потом ты исчезла, и мне сорвало крышу. Я решил стать сильным, богатым, чтобы получить тебя. Но сейчас... теперь я тебя тем более никому не отдам.

– Почему? – в полном недоумении спросила я.

– Потому что верность – это почти вымершее качество в наше время, Наташенька, – посмотрев на меня с нескрываемой нежностью, ответил Алексей.

Не прекращая медленного движения в танце, он притянул меня к себе, и крепко обнял, словно боясь, что я исчезну. Его дыхание опалило мою щеку.

– Любимая моя. Я знаю тебя, Наташа. Я знаю все твои недостатки и все достоинства, все твои страхи. И я люблю тебя за это. За то, что ты настоящая. За то, что ты не сломалась, – шепотом говорил он, с темнеющими от желания глазами.

Поцелуй был подобен вспышке молнии, пронзающей сумрак наших душ. Нежный и в то же время всепоглощающий, он стирал границы между прошлым и настоящим, между болью и надеждой. Я утонула в его объятиях, забывая обо всем на свете, лишь чувствуя тепло его губ, вкус его кожи и биение его сердца.

– Леша, не сейчас. Пожалуйста, – тихо попросила я, когда он начал целовать шею.

– Сейчас, моя любимая. Именно сейчас, – вибрирующим от страсти голосом ответил он.

– Не могу. Я думаю о другом, – извиваясь, отстранилась я. – Мальчик...

– Какой мальчик? – резко остановился он.

– Леша, в этом городе пропал ребенок. Его ищут. Ты ведь хозяин, значит должен помочь, – с надеждой обратилась к нему.

И в этот момент его лицо потемнело. Он резко отошел от меня и выключил музыку.

– Откуда ты знаешь? – сурово спросил он.

– По телевизору видела, – недоуменно ответила я. – Помоги найти его. Это же твой город. На его лице отразилась злость и властность, жестокость и негодование.

– Когда его родители станут умнее, то ребенок вернется, – холодно сказал он, подойдя к окну.

Мое сердце бешено заколотилось. Его слова прозвучали как злое пророчество, а не как простая отговорка. «Умнее»? И почему его так взволновал вопрос о пропавшем мальчике? Мои подозрения крепились с каждой секундой.

– Что ты несешь? При чем тут родители? Ребенок пропал, его надо искать! Если ты что-то знаешь, говори! – я повысила голос, чувствуя, как внутри нарастает паника.

Мой страх смешался с ужасом от осознания того, что я стою лицом к лицу с чем-то темным и опасным. Он медленно повернулся ко мне, и его взгляд обжигал холодом.

– Я сказал то, что сказал. И тебе лучше забыть об этом мальчике. Это не твое дело, – спокойно ответил Алексей.

– Не мое дело? – я усмехнулась, несмотря на охвативший меня страх. – Как раз мое! Я не могу просто закрыть глаза на то, что в городе пропал ребенок. Если ты замешан в этом, я...

– Ты ничего не сделаешь, – перебил он, приближаясь ко мне, а в его глазах плясали зловещие огоньки. – Просто забудь.

Я отшатнулась, понимая, что перешла черту. В его словах звучала неприкрытая угроза, и я чувствовала, что он не шутит. Нужно было выбираться отсюда, пока не стало слишком поздно. Восемь дней в этой берлоге показали, что даже этих дней слишком много, чтобы я никого здесь не убила! Но мысль о пропавшем ребенке не давала мне покоя. Я не могла просто так уйти, оставив его в беде. Не за это мы служили...

– Наташа, иди спать, – холодно сказал Алексей.

ГЛАВА 12

Я никогда не знала, что способна на жгучую ненависть. Мой оперативный псевдоним «Кай», Димка с Сашкой подсказали именно потому, что мое холодное сердце и разум главенствовали над всем. Единственной моей любовью была родина. Но сейчас сердце разрывалось от боли, осознавая, что рядом со мной в этом доме находится человек, способный взять ребенка в заложники.

Это перечеркнуло все мои планы о побеге. Если мне удастся вырвать это несчастное дитя из лап чудовища и вернуть родителям, тогда я смогу сказать, что прожила эту жизнь не зря. И сделаю я это не во имя Родины, а ради себя самой, ради собственных убеждений.

Что мы имеем? Цель номер один выполнена. Что происходит со страной в принципе удалось понять не за неделю, а за пару дней. Причем не поверхностно, а досконально, включая криминальный мир. Причины и следствия оказались настолько явными, что не составило труда это осознать, даже без глубокого анализа. Повлиять на что-то мы втроем не сможем. В стране идет противостояние нескольких политических сил, некоторые из которых находятся под контролем наших западных противников. Остается только искренне пожелать истинным патриотам отстоять свою страну.

С учетом сегодняшнего вечера на горизонте появилась цель номер два – ребенок. Он не случайно потерялся в лесу, как я подумала, а был взят в заложники. Также понятно, что Алексей знает, где ребенок. Тот вечер, когда он вернулся в дом якобы уставшим, но по нему было видно, что абсолютно раздавленным, не оставляет сомнений – он видел этого ребенка. Именно поэтому и задумался о собственных детях. Что-то тронуло его в этом мальчике. Значит, осколок большого, доброго сердца все еще теплится в его груди. Иначе он не испытал бы такой шок, не погрузился бы в стрессовое оцепенение.

Осталось лишь придумать, как осуществить задуманное и вытащить ребенка из плена, а там, надеюсь, и мои друзья придут. Все просто, решила я. Будем играть в другую игру с Алексеем. У таких, как он, масса слабостей, этим и воспользуемся. Ранее осматривая территорию, я видела у своего «тюремщика» здание с бассейном. Разыграем эту карту.

Ночь окутала дом плотной пеленой, скрывая его тайны от любопытных глаз. Я бесшумно скользила по коридору. Алексей находится у себя, это я поняла по звуку размеренных шагов в его спальне. Видимо, мучается, раздираемый внутренним конфликтом. Нужно действовать быстро.

Я тихонько проскочила по стеклянному переходу в соседнее здание и вошла в бассейн. В стране тяжелое экономическое положение, а его усадьба напичкана комфортными удобствами по европейским стандартам. Хотя он сам говорил, что ведет бизнес с Европой, да и множество документов в столе его кабинета указывали на это.

Бассейн был метров двадцать пять в длину, расчерченный на четыре дорожки. Хорошо устроился! Мог бы и в родной школе такой поставить! Вода в бассейне слегка колыбалась, отражая встроенные в стены светильники и лунный свет, проникающий сквозь огромные панорамные окна. Я подошла к краю, замороженная этой картиной спокойствия, контрастирующей с бурей, бушующей внутри меня. В голове созрел план, рискованный, но, как мне казалось, единственно верный. Алексей появится здесь через пару минут, как только его цепные псы сообщат ему, что я здесь. Он привык властвовать и наслаждаться жизнью. Буду использовать его же слабости против него.

Выдохнув, я смело включила общее освещение бассейна и начала ходить вокруг чаши, делая вид, что рассматриваю. Провокационно скинув короткий халат, я осталась в одном нижнем белье, которое мало что скрывало. Убедившись, что охрана меня не только заметила, но и удивленно рассматривает через стеклянные стены, я нырнула в воду. Она приятно обволокла

мое тело, смывая усталость и напряжение. Проплыла несколько дорожек и привела в порядок мысли. Тренировки и пробежки, любая физическая нагрузка всегда способствовали ускорению моего мыслительного процесса.

По гулким шагам я услышала, что Алексей находится уже за дверью бассейна. План был прост. Нужно выглядеть соблазнительно, незащитно и в то же время уверенно. В его глазах я должна была стать той самой недостижимой мечтой, ради которой он готов на все и даже отдать ребенка.

И вот, словно повинувшись моим мыслям, дверь резко распахнулась. На пороге стоял злобный Алексей, одетый лишь в легкие домашние штаны, низко повисшие на его узких бедрах. На его лице читалось удивление и невероятная злость, смешанные с нескрываемым интересом. Я плавала и делала вид, что его не замечаю. Моя рискованная игра началась.

– Наташа, что ты творишь? – возмущенно произнес Алексей и направился к моему краю бассейна. – Ты меня с ума сведешь.

– А что такого? Ты говорил, что я могу в доме пользоваться всем. Заснуть после того, что произошло, мне сложно. Решила поплавать, – равнодушно ответила я.

– Поплавать? Да я не против. Но почему голая и у всех на виду? – процедил он сквозь зубы.

– Вообще-то я в нижнем белье, которое, кстати, ты мне предоставил. Купальника у меня нет. Я же не знала, что окажусь в таком занятом плену, – мило улыбнувшись, ответила Алексею.

– Наташа, почти вся охрана рассматривает тебя через окна. Андрей мне сообщил, что парни глаз оторвать не могут. Он еле их разогнал, – злился Алексей, проходя вдоль бассейна и нажимая какие-то кнопки на стенах. – И даже если бы у тебя был купальник, то прошу ночью всегда закрывать окна бассейна, если ты решишь поплавать. Я, по-моему, достаточно ясно выразился, что не намерен тебя делить ни с кем, даже мысленно.

Плотные жалюзи поползли с потолка и закрывали все остекление. Собственничество этого мужчины поражало своим идиотизмом, но мне это было на руку, пока идет моя игра. Боковым зрением я наблюдала, как Алексей скинул штаны и прыгнул в воду. Он плавал в нескольких метрах от меня, видимо приводя свою нервную систему в порядок, а я демонстративно его игнорировала, все время отплывая дальше.

В один миг его голова исчезла под водой и, вынырнув, Алексей возник прямо передо мной. Мощные руки, словно стальные жгуты, молниеносно обвились вокруг моей талии, притягивая в объятия. Потеряв всякую возможность держаться на поверхности, я инстинктивно обвила его бедра ногами, а руками вцепилась в его плечи. Он, словно неся драгоценную ношу, медленно направился к мелководью.

– Не хочу, чтобы похотливые взгляды мужиков оскверняли твою красоту, – прошептал он, обжигая мочку уха жарким дыханием. – Мысль о том, что кто-то осмелится смотреть на тебя, как смотрю я, приводит меня в ярость. Твоя нежная красота опасна в первую очередь для тебя самой.

– Алексей, отпусти меня. Мне не нравится положение, в котором мы находимся, – проговорила я, смущенно пряча взгляд.

– Ммм... а мне безумно нравится держать тебя в своих руках, – промурлыкал он, прижимая мое тело еще крепче и сильно сжимая мои ягодицы. – Ты немислимое искушение.

Обжигающие, словно клеймо, поцелуи начали спускаться по моей шее, вызывая трепет и головокружение. Я слегка откинула голову, играя это самое искушение. Его рука легла на затылок, не позволяя отстраниться, и он жадно накрыл мои губы своими. Это был поцелуй, в котором нежность переплеталась с первобытной страстью, с неукротимой силой, таящейся в этом мужчине. Он брал желаемое виртуозно, знал все тайные тропы наслаждения. В каждом

его прикосновении, в каждом уверенном движении чувствовался колоссальный опыт. Едва поцелуй оборвался, я решила начать отвлекающий разговор.

– Нам нужно поговорить, – тихо произнесла я, глядя в его глаза, потемневшие от желания.

– А я думаю, что все разговоры подождут. Сейчас есть дела поважнее, – прорычал он, продолжая осыпать мою шею поцелуями. – Я безумно хочу тебя. Здесь. Сейчас. Ты моё наваждение в чистом виде, затмевающее разум.

– Я не хочу строить наши отношения только на сексе. Это всегда недолговечно. Физическое притяжение без духовной близости быстро угасает, – отрезала я, стараясь придать голосу холодность.

Алексей отпустил меня, и в уголках его губ мелькнула лукавая улыбка.

– Наташка, ты вертишь мной, как хочешь. А знаешь, ведь я подобного никому не позволяю. Ладно, говори.

Выскользнув из его рук, я поднялась по ступенькам бассейна и явила его взору изгибы своего тела, облаченные лишь в дерзкое кружево. Соблазнительно покачивая бёдрами, я пошла вдоль бассейна. Алексей, как хищный зверь, неотрывно следил за мной, пока я, звеня мокрыми шагами по плитке, подходила к пластиковым креслам у стены. Обернувшись мягким полотенцем, я опустилась в одно из них. Алексей, как тень, последовал за мной, занимая место рядом.

– Леш, ты говорил о наших детях... Но пойми, я не хочу, чтобы они расплачивались за грехи родителей. Бумеранг в жизни никто не отменял, и он не щадит никого. Как я могу рожать, не зная, какое будущее их ждёт? Ты балансируешь на лезвии бритвы, в вашем криминальном мире, где смерть – обыденность. Вы погрязли в разборках, в крови. Ты сам говорил об этом, – начала я издали, ощущая, как напряжение сгущается в воздухе. – Но эта ваша анархия не вечна. Рано или поздно со всем этим разберутся, и доказательством тому служит история нашей страны.

– Ты невероятно умная женщина и совершенно не похожа на других. Сейчас такое время, что девки пачками вешаются на бандитов. А у тебя, как всегда, свое особое мнение. Но я клянусь, что от грязных дел отойду. Однако не лезь туда, куда тебе не нужно. Обещаю, наши дети будут далеки от этого болота, – его голос звучал сурово, но я чувствовала, как сквозь эту броню пробивается страх.

В глубине души он сопротивлялся, терзаемый тревогой за свою будущую семью. Страх этот был осязаем, словно холодный ветер. Я смотрела в его тёмные глаза, пытаюсь разглядеть там искренность, но видела лишь отражение своих собственных сомнений. Слова его звучали убедительно, но прошлое, словно якорь, тянуло его обратно в пучину криминального мира. Я понимала, что для него это не просто работа, а часть его сущности, его способ выживания.

– Я хочу верить тебе, Леш, – прошептала я, – Но слова – это всего лишь слова. Мне нужны действия, доказательства того, что ты действительно готов измениться. Честный бизнес – это нормально, но не бандитство. К примеру, ситуация с этим ребёнком. Как ты мог на такое решиться?

Он сидел рядом, его пальцы крепко сжали мою руку, а взгляд обжигал ледяным пламенем.

– Мы не будем это обсуждать, и ничто подобное больше тебя не коснётся, – отрезал он, а в его голосе звенела сталь.

– То есть, ты собираешься скрывать это от меня? – я вложила в свой голос вызов. – Леша, тебе знакомы базовые принципы счастливой семьи? Это не только секс и любовь, хотя и они важны. Это взаимопонимание, доверие и уважение. Умение слышать и слушать друг друга, а не затыкать рот, когда задаются неудобные вопросы. Это, в конце концов, общие духовные ценности. Секс по любви – лишь фундамент семейного очага. А стены и крыша, защищающие его от ветров житейских проблем, строятся из совсем другого материала. Какое может быть уважение и понимание между нами, если ты разговариваешь со мной приказным тоном? Я уже

не говорю о доверии. К примеру, в первый день ты заявил, что освободил график для меня. Но ты почти каждый день исчезаешь, а возвращаешься словно с поля боя, в ужасном состоянии и с каплями крови на одежде. Ты считаешь меня наивной дурочкой? Какие общие духовные ценности есть между нами, Алексей, если я служака, а ты бандит? Да, со службы я ушла, но это не значит, что я приму криминальную философию!

– Нет, милая, – его голос был суров, но задумчивый взор по-прежнему скользил по глади воды. – Кем ты точно не являешься, так это дурой.

– Тогда как ты себе представляешь нашу жизнь? Где твое обещанное понимание? Ты думаешь, я смогу спокойно жить, зная, что ты ходишь по лезвию ножа? И ты требуешь от меня безразличия? Хочешь, чтобы я превратилась в дорогую игрушку, покорно ожидающую возвращения хозяина, который снизойдет до игры со мной?

Холодный голос разума напомнил мне о жестокой реальности, в которой мы находимся. Изменения не происходят в одночасье, особенно когда речь идет о таком глубоко укоренившемся образе жизни Алексея. И во все это я ткнула его носом, чтобы зародить в нем надежду – возможность совместного будущего, по доброй воле с моей стороны. Да, ложную надежду, но в данной ситуации это могло спасти плененного ребенка. Ради этого я была готова создать эту святую ложь. Если он будет думать, что я серьезно рассматриваю брак с ним, то станет вынужден быть снисходительным.

– Откуда у тебя такие познания в семейных делах, Наташа, – в его голосе проскользнуло подозрение. – Неужели успела обзавестись опытом, о котором я не знаю?

Я постаралась сохранить невозмутимость. «Опыт» не то слово, которым можно описать мои прошлые отношения с Артемом, но именно с ним я поняла, что значит родной мужчина.

– Лишь однажды я чувствовала себя абсолютно счастливой. Именно такие отношения у нас были с Артемом, – тихо ответила Алексею, и это была правда. – Взаимное доверие, уважение и понимание были ключевыми элементами в них. Мы заслужили друг у друга это.

Я видела, как в его глазах промелькнула злость, а желваки заиграли на скулах. Мои слова, словно острые камни, потревожили зыбкий фундамент его уверенности. Он привык к определенности, к власти и контролю. А я, словно дикий зверь, не поддавалась приручению. И именно это, как я надеялась, заставит его действовать осторожнее, дать мне время, которое я потрачу на спасение ребенка. Ложь во благо – вот мой девиз на сегодня.

– Наташа, я больше никогда не хочу слышать о нем и уж тем более о сравнении с ним. Он как тень присутствует между нами, – твердо сказал Алексей. – Этот парень умер. Я ценю, что ты была верна ему, но необходимо жить дальше. И в нашей с тобой жизни его быть не должно.

В бассейне повисла тяжелая тишина, словно сгустившийся туман, готовый вот-вот разразиться грозой. Я смотрела в его потемневшие от ревности глаза. Знала, что играю с огнем, называя имя Артема вслух, но ставка была слишком высока. Мне нужно выиграть время, запутать его, заставить быть хорошим, чтобы он жил надеждой получить желаемое.

– Тень нельзя просто так отбросить, Алексей, – произнесла я, стараясь придать голосу мягкость. – Прошлое – часть меня, как и воспоминания о той невыносимой боли потери. Но это не значит, что прошлое управляет мной. Можно подумать, ты все эти годы не имел связей с женщинами.

Он молчал, сверля меня взглядом. Я видела, как в нем борются гнев и желание обладать мной. Он хотел, чтобы я забыла Артема, стерла его из памяти, но я не могла этого сделать. И он это знал. Именно это знание и делало его таким уязвимым.

– Я не святой, – наконец, проговорил он, процедив слова сквозь зубы. – Но ни одна из них не была в этом доме, в моей спальне, в этом бассейне. Мне нужна была разрядка, и я ее получал, а они получали привилегии и содержание. Честный обмен.

– А меня такой обмен не интересует, Алексей, – уверенно сказала я.

– Со мной ты забудешь свое прошлое. Но помни, Наташа, мое терпение имеет свои границы. И если я увижу, что ты обманываешь меня, то пощады не будет. И еще, я больше никогда, слышишь, никогда не хочу слышать его имени, – едва не рыча говорил Алексей. – В остальном я тебя услышал и согласен с тобой.

Я почувствовала, как его хватка на моей руке ослабла. В его словах сквозила не только угроза, но и отчаянная надежда. Надежда на то, что я смогу его полюбить, что забуду прошлое и стану его настоящим. И эта надежда была моим оружием.

– Хорошо, Алексей, – тихо произнесла я, стараясь не выдать охватившее меня облегчение. – Я попробую. Но и ты попробуй услышать меня. Попробуй довериться мне. И главное, расскажи, что происходит. Не держи меня в жестоком неведении.

Он отвернулся от, снова устремив взгляд на воду. Тишина затянулась, но на этот раз она не была гнетущей. Она была наполнена какой-то странной, хрупкой надеждой. Я знала, что впереди меня ждет сложный путь, полный лжи и жестокости. Но я была готова идти до конца, ради спасения невинной жизни.

– Мне позвонил партнер из Бельгии, – наконец произнес Алексей, не поворачиваясь. – Завтра я вылетаю к нему. Мне нужно всего два дня, Наташенька. Проведу сделку и вернусь. Тогда решу все текущие вопросы и мы с тобой серьезно обсудим нашу новую жизнь. То, что ты не станешь моей куклой или тупой овцой, я уже понял. Это даже хорошо, что у наших будущих детей мать не только красивая, но и мудрая.

Я кивнула, понимая, что это уже победа. Маленькая, но все же победа. Я вытерла руки о полотенце и встала.

– Леш, а если ты уезжаешь по делам, то возможно привезти ребенка сюда? Мы оба пленники, вот я с ним и повожусь, – осторожно предложила я.

– Наташа, ты не пленница! – возмутился Алексей. – И то, о чем ты просишь, невозможно.

– Почему? – серьезно спросила я.

– Это небезопасно, – отрезал он, наконец повернувшись ко мне. – В этих делах я не стану мारать наш дом. Это чистая территория и так должно быть всегда.

В его глазах мелькнула тень, которую я не могла расшифровать – страх, раздражение или что-то еще, тщательно скрытое за маской безразличия.

– Тогда отправь меня туда, к нему. Я буду о нем заботиться. Так моя совесть будет чиста, – настырно я пыталась идти к своей цели.

– Нет, – резко осек меня Алексей.

– Почему? – настойчиво задала вопрос.

– Там мужики. Ты не останешься среди них без меня. Это исключено, – ревностно отрезал Алексей. – Наташа, такую женщину, как ты, без личной охраны не отпускают. Привыкай, и это никогда не будет обсуждаться.

Я сглотнула, осознавая, что он, вероятно, прав. Мои благие намерения могли обернуться катастрофой. Но мысль о беспомощном ребенке, заточенном в неизвестном месте, не давала мне покоя.

– Но он же совсем один там, – прошептала я, чувствуя, как в горле образуется ком. – Разве нельзя хотя бы провести его? Убедиться, что с ним все в порядке?

Алексей категорично покачал головой.

– У него все хорошо и это главное. Просто доверься мне, Наташенька, – с нежностью Алексей посмотрел в глаза и поцеловал мою ладонь.

Я внимательно смотрела на него, пытаюсь найти хоть каплю искренности. И, возможно, я ее увидела. Возможно, это была лишь иллюзия, порожденная моим отчаянием. Но я решила рискнуть.

– Хорошо, – тихо сказала я. – Я доверяю тебе, Леша. Но если с ним что-то случится, ты меня больше не увидишь. Я женщина и дети для меня – это святое.

Не дожидаясь ответа, быстро направилась к выходу, чувствуя на себе его пристальный взгляд. Я знала, что он будет долго смотреть мне вслед. Но я позаботилась о том, чтобы он видел только то, что я хотела ему показать.

ГЛАВА 13

Дом встретил меня звенящей пустотой и сумраком. Поднявшись в спальню, я почувствовала облегчение. Где бы ни был ребенок, одно было ясно – он жив, и Алексей не даст его в обиду. Часы показывали четыре утра. Смыв следы плавания в бассейне под душем, я нырнула в постель, но едва сомкнула веки, как почувствовала легкое движение воздуха у двери. Она бесшумно приоткрылась. Алексей крался тихо, словно вор, но его выдавал терпкий шлейф парфюма.

– Ты передумал? – прошептала я в темноту.

– Наоборот, решил продолжить те восхитительные мгновения, что начались в бассейне, – прозвучал игривый голос Алексея.

– Вот вернешься, тогда и продолжим, – играя женскую обиду, отрезала я, кутаясь в одеяло.

– Наташа, не мучай меня, – дерзко бросил Алексей и рухнул поверх одеяла. – Невозможно быть рядом и не касаться тебя. У меня стоит так, что уже крутит от боли.

– И ты взрослый тридцатидвухлетний мальчик, который точно знает, что с этим делать, – хихикнула я и отвернулась.

Почувствовала, как он тяжело дышит, пытаюсь унять дрожь возбуждения.

– Ты невыносима, – прошептал он, проводя ладонью по моей спине. – Зачем ты так со мной?

Он прижал меня к себе. Я чувствовала его тепло сквозь тонкое одеяло. Губы Алексея коснулись моей шеи, обжигая кожу нежными поцелуями.

– Я скучаю по тебе, – прошептал он на ухо. – Не могу спокойно дышать рядом с тобой. Ты нужна мне вместо воздуха.

Его руки, уверенные и напористые, скользили по моему телу, даря удивительное наслаждение. Он целовал жадно, страстно, словно боялся, что я исчезну. Я начала понимать, что утопаю в вихре его чувств.

– Леш, остановись по-хорошему, – на ухо ему тихо произнесла я. – Ты ведь знаешь, что я могу сделать тебе очень больно. А главное, ты не сдержишь свое слово, значит, мне не за что будет тебя уважать. Но спать рядом со мной, я тебе сегодня разрешу. Это благодарность за откровенный разговор.

Тяжелое дыхание Алексея участилось, и я почувствовала, как он замер, словно ошпаренный кипятком. Его руки нехотя, словно против воли, отстранились от моего тела. В тишине комнаты слышалось лишь его сбивчивое дыхание.

– Ты права, – наконец прошептал он. – Но я не смогу просто спать рядом, не сдержусь.

Он поднялся с кровати и, не говоря ни слова, направился к двери. Я слышала, как он остановился на пороге, как будто не решаясь уйти.

– Спасибо, что позволила остаться, – тихо произнес он, и дверь бесшумно закрылась.

Я лежала в темноте, уставившись в потолок. Смесь облегчения и разочарования боролись во мне. С одной стороны, я рада, что он послушал меня, а с другой – тоска по мужским прикосновениям и близости обжигала кожу. У меня очень давно не было мужчины. А такой сексуальный и весьма опытный, как Алексей, легко мог вскружить голову любой женщине. И сейчас, в этой тишине, я чувствовала себя бесконечно одинокой. Но Алексей был не моим мужчиной. Я никогда не смогу смириться с тем, что его руки в крови невинных.

В голове роились мысли, как потревоженный улей. Артем, его образ всплывал в памяти, словно фотография, проявленная в темноте. Его открытая улыбка, его добрые глаза, полные любви и нежности ко мне. Все это теперь казалось далеким сном, призрачным воспоминанием

из другой жизни. И вот сейчас я столкнулась с предложением Алексея, грубого и чувственного, опасного и притягательного. Он был полной противоположностью Артему.

Я перевернулась на бок, пытаюсь унять разбушевавшиеся чувства. Тело требовало тепла, ласки, близости. Разум сопротивлялся, напоминая о долге, о цели, о том, что нельзя поддаваться слабости. Я – солдат, а не женщина, жаждущая любви. Но разве можно убить в себе женщину? Разве можно приказать сердцу не биться, когда нежные мужские ласки возбуждают и уносят в столь желанный полет?

Встала с кровати и подошла к окну. На территории мерцали огни, словно россыпь звезд, упавших на землю. Я смотрела на этот хаос огней, подсвечивающих с земли всю территорию и чувствовала себя частью мира, потерянной и одинокой, упустившей когда-то свое счастье.

Внезапно в голове созрело решение. Я верну себя прежнюю, ту, какой была до разведки. Позволю себе быть женщиной, любить и быть любимой. Стану матерью. Но сначала я закончу эту чертову историю. А потом! Потом я начну жить для себя. И, может быть, тогда я смогу найти свое женское счастье.

С этой мыслью я вернулась в постель и закрыла глаза. Усталость взяла свое, и я провалилась в сон, полный обрывков воспоминаний и смутных надежд. Завтра будет новый день, и я должна быть готова к нему. Необходимо быть сильной, решительной и наигранно счастливой.

Первые лучи солнца уже заглянули в мое окно, пробиваясь сквозь тучи. Легкий поцелуй коснулся моего плеча, я знала, что Алексей в комнате, но не подала вида.

– Вставай, родная, пора завтракать. Мне в аэропорт еще добираться, – тихо говорил мужской голос, полный грусти.

– Почему ты такой огорченный? – промурлыкала я, притворяясь сонной, но внимательно наблюдая за ним из-под полуопущенных ресниц.

В его движениях сквозила задумчивость, словно тяжкий груз давил на его плечи. Во взгляде промелькнула странная, трогательная нежность. Красивый, безусловно выбритый, одетый в дорогой деловой костюм, Алексей стоял над моей кроватью, словно незнакомец, и смотрел с какой-то новой, непривычной теплотой.

– Всю ночь не спал. Не мог. Все думал о твоих словах и поступках, – тихо произнес он. – Ты сумела сохранить себя, свои жизненные принципы в этом сложном, безумном мире. Готова броситься на помощь чужому ребенку. Ты человек сильный духом, Наташка. Я, наверное, действительно неправильно начал наши отношения. Много думал о смысле твоих вчерашних слов, и понял, что тоже хочу, чтобы наши дети жили в сильной и процветающей стране. Я благодарен тебе за эту откровенность. И ты права в том, что такой разговор дороже любого секса. Но как мне теперь с этим жить? Я понял одно – ты мне не просто ровня, ты гораздо выше меня.

Сердце забилося быстрее. Неужели он действительно услышал меня? Неужели его зачерствелая душа способна оттаять?

– Леш, мы сами выбираем свой путь, – сказала я, окончательно проснувшись и садясь в кровати.

Алексей подошел ближе, присел на краешек и взял мою руку в свою. Его пальцы были холодными, несмотря на теплый воздух в комнате.

– Я так привык к этой гонке, к деньгам, к власти. Мне казалось, что это и есть счастье. Но, глядя на тебя, я вижу, что ошибался. Счастье – это когда рядом есть человек, который верит в тебя, который любит тебя не за твой статус, а за то, что ты есть. Я очень хочу, чтобы ты осталась со мной и боюсь тебя потерять.

Он замолчал. В этот момент Алексей позволил себе быть беззащитным, неожиданно сняв маску циничного лицемера. Мне захотелось обнять его, согреть теплом воспоминаний о нашем общем, давно ушедшем детстве. Но я тоже хранила молчание. Сколько их таких – заплутавших в лабиринтах собственной совести, сломавших чужие судьбы, предавших Родину ради звонкой монеты и собственной власти?

– И что ты решил? – спокойно спросила я.

– Пока не готов рубить с плеча, но думаю, – он набрал в грудь воздуха, словно готовясь к прыжку в пропасть, – нужно заработать еще больше денег и уехать жить куда-нибудь в Европу. Язык мы знаем, нашим детям там будет хорошо, – произнес он с убийственной уверенностью.

Его философия обожгла меня, словно плевок в лицо. Ограбить собственную страну, свой народ, а потом, с чувством выполненного долга, уехать наслаждаться жизнью за границу, попивая коктейли на лазурном берегу и купаясь в деньгах. Философия всех предателей!

Я аккуратно убрала руку и пошла одеваться. Внутри все похолодело. Его слова, произнесенные таким спокойным и уверенным тоном, звучали как приговор. Приговор нашей стране, нашим жизням, нашим надеждам. И, самое страшное, приговор ему самому.

– Ты правда думаешь, что так будет лучше? – ровно спросила я, очень боясь услышать подтверждение.

– А что тут такого? – пожал он плечами. – Все так делают. У нас нет будущего здесь. А там, в Европе, стабильность, порядок, закон.

Я молчала, раздавленная его цинизмом и эгоизмом. Мне очень хотелось сказать, что тогда нам не о чем говорить, что он снова ошибается в выбранном пути, и что мне больно все это слышать, но вместо этого я продолжила непринужденно играть свою роль, говоря:

– Если ты так считаешь, то давай это обсудим, когда ты вернешься. Пошли завтракать. Я очень голодна после ночного заплыва.

После завтрака он уехал, перед этим нежно поцеловав меня на прощание и приказал ждать. Я слышала, как Алексей, уже садясь в машину, бросил начальнику охраны слова, пропитанные сталью его голоса: «Заживо похороню любого, если с ней что-то случится или сбежит». Вот она, цена надеждам и вере в лучшее. Такие люди – как скалы, которые может обтесать лишь жизненная буря. Но даже тогда остается гадать, в какую сторону подует ветер перемен, сокрушая эти «скалы». Нет гарантии, что все перемены приводят только к лучшему. Иногда жизнь умеет сильно удивлять!

ГЛАВА 14

У меня было два дня на спокойные размышления. Алексей уехал вместе со своим телохранителем Андреем, значит, в Европе у него серьезное дело. Проходя на место утренней тренировки, отметила резко увеличившийся штат охраны. По всему периметру стояло пятьдесят семь человек. Парни спортивные, бодрые, но при виде меня опускали глаза вниз. Начальник охраны ходил за мной по пятам, как только я вышла из дома.

– Вы так и будете меня преследовать? – улыбнувшись, спросила я его.

– Предполагаю, что вы слышали слова шефа, – спокойно ответил он. – Алексей Сергеевич слов на ветер не бросает, поэтому я отвечаю за вас собственной жизнью, Наталья.

Поняла, что спорить бесполезно. Алексея боятся здесь все. Вздохнув, я продолжила путь пробежкой к своему тренировочному месту. Придется смириться с этой навязчивой опекой. Хотя, если честно, чувствовала себя немного неловко под таким пристальным вниманием. Все-таки, я привыкла к некоторой свободе, а сейчас каждый мой шаг отслеживался.

Все это было достаточно глупо с их стороны, потому что для человека, занимающегося скалолазанием и парашютеризмом, как я, этот трехметровый кирпичный забор, вокруг усадьбы, перемахнуть не представляло большой проблемы. Хотела бы, то давно уже ушла отсюда.

Тренировка началась. Сосредоточилась на движениях, на ударах, на скорости. Но краем глаза все время замечала, как начальник охраны внимательно наблюдает за каждым моим действием. Это раздражало, но я понимала, что он просто выполняет свою работу.

После тренировки я направилась в дом. Начальник охраны по-прежнему следовал за мной по пятам. Я решила больше не обращать на него внимания и просто наслаждаться утренней прохладой и щебетом птиц. В конце концов, это все временно.

День прошел спокойно, но к вечеру приехал черный внедорожник, из которого вышел старший брат Алексея. Я приоткрыла окно, сосредоточившись на звуках.

– Я знаю, Матвей, что никого не велено пускать на территорию, но Суровый сам попросил меня проведать Наталью, – прозвучал его голос, властный и настороженный.

Действовать нужно было быстро. Я метнулась к бару, словно кошка за валерьянкой, и схватила бутылку виски. Не раздумывая, плеснула немного на ладони, растерла и резкими движениями втерла терпкий аромат в кожу и одежду. Нужно было сыграть роль скучающей, легкомысленной женщины. С такими говорят охотнее, изливая душу, не видя в них опасности.

Дверь открылась, и в дом вошел Вячеслав. Высокий, широкоплечий, с волевым подбородком – вылитый Алексей, только старше и жестче. Он окинул меня оценивающим взглядом, задержавшись на секунду дольше положенного на моем декольте. Сработало.

– Наталья, – произнес он, чуть смягчив тон, – вот теперь я понимаю Лешку. А я все думал, чего он тебя ото всех прячет. А ты красавица, каких здесь нет. Интересно, чего такого ты могла делать в разведке, если твое место на «Мисс мира»?

– Ну это уже откровенная лесть, с твоей стороны, Вячеслав, – я постаралась вложить в голос максимум кокетства и расслабленности. – Виски у вас отменное, погода чудесная. Что еще нужно для счастья?

Вячеслав усмехнулся, но взгляд оставался настороженным. Он явно не поверил ни единому моему слову.

– Да не лесть это, Наташа. Я помню тебя страшненьким гадким утенком, соплячкой, а теперь вот смотрю и люблюсь. Ты можешь быть украшением для любого мужчины. Не припомню, чтобы так близко видел женщин, подобных твоей красоте. Но давай к делу, Алексей просил посмотреть, как ты тут, – холодно продолжал Вячеслав. – Он очень переживает за тебя. И теперь я понимаю, почему у моего брата снесло крышу. Не к добру, такая красота.

Я приподняла бровь, изображая наигранное любопытство.

– Не заметила, чтобы у него что-то снесло.

Вячеслав на секунду задумался, как будто взвешивал мой образ и слова. Эта заминка была мне на руку.

– А чего ты вискарь глушишь в одного? – заинтересованно спросил Вячеслав.

– Скучно и переживаю за пропавшего мальчика, – изображая невинность, ответила ему.

– Не переживай. Все с ним нормально. Сыт, одет и под охраной, – холодно произнес Вячеслав. – Мне Лешка рассказал о вашем разговоре. Твое присутствие делает его странным, и мне это не нравится.

Он подошел ближе и навис надо мной.

– Ты учти, королева, я тебе своего брата в обиду не дам, – сквозь зубы сказал он.

Сердце бешено колотилось, но внешне я оставалась невозмутимой. Игра началась всерьез. Я откинулась на спинку дивана, стараясь сохранить непринужденность.

– Какая трогательная братская любовь, – протянула я, слегка растягивая слова. – А я, наивная, думала, что у Алексея ко мне сильные чувства. Оказывается, тут целый консилиум переживающих родственников. Кто еще угрожать придет?

Вячеслав не отреагировал на мою иронию. Его взгляд, словно рентген, пронизывал меня насквозь. Он словно пытался найти уязвимое место, слабость, за которую можно было зацепиться. Я знала, что должна быть предельно осторожна. Одно неверное слово, жест, и все пойдет прахом.

– Чувства – это прекрасно, Наташа, – говорил Вячеслав сквозь зубы. – Но Алексей потерял голову из-за тебя. А ты можешь этим воспользоваться, как пытаются сделать все бабы. К тому же у нас ситуация потяжелее будет. Да, Наташа? Ты ведь не простая баба! Я-то хорошо знаю, что во внешней разведке дур не держали, и поэтому не спущу тебе ничего. Если ты делаешь Алексею больно, тебе не жить. Лешка, конечно, попереживает, да и забудет. А вот наши с ним отношения и дела я тебе сломать не дам. Ты это учти!

В его словах звучала неприкрытая угроза. Я ответила ему тем же, поднявшись с дивана и встав прямо перед ним. Наши взгляды встретились в упорной борьбе.

– Если не веришь, что я могу ответить твоему брату взаимностью, то открывай ворота, и я пошла. А если не готов к этому, тогда проваливай, пока я тебя не положила прямо на этот мраморный пол. Ты же сам сказал, что осведомлен, кто я. Тогда будь умнее и не дерзи будущей невестке, – закончила я, оценивающе оглядев его с головы до ног. – Я спать. Дверь не забудь за собой закрыть.

По лестнице поднималась на второй этаж, когда услышала задумчивые слова Вячеслава:

– Дааа... Смотрю, Лешке повезло. Действительно хищная крупная дикая кошка попала. Только вот не пойму, как уживутся волк-вожак в паре с львицей. Странно все это.

Его слова эхом отдавались в просторном холле, пока я поднималась по ступеням. «Хищная кошка» – это прозвучало как комплимент и предупреждение одновременно. Вячеслав видел во мне соперника, силу, с которой нужно считаться. И это было хорошо. Страх и уважение – неплохое сочетание для начала. Одно было понятно, он знает о мальчишке и контролирует ситуацию.

В своей комнате я подошла к окну, наблюдала, как он сел в машину и уехал, дав перед этим какие-то приказы охране. Я думала о словах Вячеслава, о его угрозе. Он не блефовал. В его глазах читалась готовность защищать брата любой ценой. Алексей выбрал себе мэром города преданного союзника.

Естественно, спать я не собиралась. Приняла душ и поменяла одежду, избавившись от тошнотворного запаха виски. Но игра стоила того, теперь понятно, что два брата – два сапога пара, а весь город заложник их власти.

Мне нужно было понять, как далеко простирается их влияние и кто входит в их круг. Я не собиралась быть пешкой в играх, не собиралась просто сидеть и ждать, пока Алексей решит, что со мной делать. Я сама буду решать, как мне жить и что делать.

Спустившись вниз, направилась в библиотеку. Огромная комната, заставленная книжными шкафами от пола до потолка, казалась тихим убежищем. Провела пальцами по корешкам книг, а сама скрупулезно обдумывала новые вводные данные.

Информация была разрозненной, но уже вырисовывалась общая картина. Братья умело использовали свои связи и ресурсы, чтобы укрепить власть и влияние. Я улыбнулась словам Вячеслава и своим мыслям. «Волк-вожак» и «львица», как интересно. Чертов мэр попал в точку! Этот «волчонок» действительно не на ту добычу нацелился.

ГЛАВА 15

Едва ощутимые звуки, что в доме я нахожусь не одна, вырвали из сна. В воздухе чувствовалось движение и человеческие чистые запахи. Никакого парфюма! В доме кто-то ходит, тихо, крадучись и что-то ищет, иначе бы уже был в моей комнате. Воров можно исключить сразу. Какой дурак сюда полезет? Да и на периметре полно охраны.

Я медленно выдохнула, стараясь не выдать себя. Сердце спокойно отбивало свой ритм, мозг работал четко, как швейцарские часы. Инстинкты, отточенные годами тренировок и реальных операций, требовали действия. Лежать и ждать – это не мой метод.

Аккуратно, я села на кровати. Ноги бесшумно коснулись пола. Нашупала под подушкой два своих верных спутника – ножи. Холод металла успокаивал. В доме царила тишина, нарушаемая лишь тихим дыханием незваных гостей. Я поднялась и, прижавшись спиной к стене, начала двигаться к двери. Каждый шаг мной выверялся, каждый шорох анализировался. Зрение быстро привыкло к полумраку, позволяя различать очертания мебели и знакомые детали стен.

Тихий шорох донесся из гостиной, когда я двигалась по коридору к лестнице. Там кто-то был. Я медленно выдохнула и двинулась дальше. У лестницы, в нише, затаилась. Один темный силуэт неторопливо показался из гостиной, второй выходил из библиотеки. Лунный свет, проникающий сквозь большие окна, освещал лишь часть их лиц. Две тени соединились и замерли, я узнала их сразу.

– Пришли все-таки, – шепотом сказала я, спускаясь по лестнице в радостном настроении.

– А куда бы мы делись? – счастливым шепотом ответил Дима.

Улыбка тронула мои губы.

– Что-то вы раньше, – шепотом произнесла я, подходя к друзьям.

– Наташ, а чего тратить неделю, если все понятно стало за три-четыре дня? – спросил Дима, приближаясь ко мне и нежно обнимая.

– Мы позвонили тебе домой, а твоя мама говорит, неожиданно на работу вызвали, – бормотал Саша. – А мы-то в курсе, что этого не может быть. Спросили ее, не передавала ли ты чего друзьям. Вот она и рассказала, что послание тобой оставлено. Мы код в сообщении считали. Поняли, что тебя кто-то взял в плен. Заехали к генералу, а он говорит: сами справляйтесь, но спецмашину дал.

– А это место как нашли? – с интересом спросила я.

– Наташ, мы по-твоему кто? – обиженно спросил Саша и тут же заинтересованно добавил.

– Слушай, а что ты вообще делаешь в доме местного бандита?

– Не спрашивай. Это какой-то бред, – хмуро ответила я.

– Сань, я ж тебе говорил. Она видимо их изучает. Это вполне в стиле нашей Наташи, – улыбаясь шептал Дима. – Да, милая?

– Конечно, дорогой, – таким же тоном с юмором ответила я.

– Вот. В наших отношениях наметился прогресс, – довольно сказал Дима и притянул меня к себе, прижимая мою голову к своей широкой теплой груди. – С этой мразью, похитившей тебя, я церемониться не обещаю. Даже не проси.

Стальной и гневный голос друга мгновенно убедил меня, что Алексея ждет «радушный прием».

– Есть хотите? – заботливо спросила я.

– Нет. Убивать хотим, – ответил Саша. – Но знаем, что главная тварь в отъезде, поэтому давай еду и рассказывай, что здесь происходит.

– Здесь главных тварей две и еще одна на подозрении, – сказала я, проводя друзей.

Мы сидели в полной темноте, когда я рассказывала, что со мной произошло в родном городе, не опуская ни одной детали. В нашей жизни не существует незначимых слов, взглядов, черт, характеристик и всего, что касается цели. Поэтому я медленно, начиная от встречи со Светой и заканчивая единственным разговором с Вячеславом, все пересказала Диме и Саше, пока они жевали жареное мясо и овощи. После моего рассказа Саша сидел задумчивым, а Дима удивленным.

– Я всегда знал, что ты у меня особенная, но мне в голову не приходило оценивать тебя по внешности. Нет, ты действительно красивая, Наташ. Но для меня главное, что ты замечательный человек и друг, а не кукла, – шепотом возмущался Дима.

– Такие, как этот Алексей, обычно стремятся получить всё, чего желают, и просто так не сдадутся. На этом и сыграем. Мальца, конечно, вытащим из их лап, – тихо говорил Саша. – Но мы все должны понимать, что при этом будет море крови.

Никто не стал отрицать очевидного. Мы враги для таких, как Алексей и Вячеслав. Мы, те, кто несут справедливость, и растопчем саму тьму. Именно так! Мы были теми, кто не мог пройти мимо несправедливости, кто чувствовал ответственность за слабых. И сейчас, когда ребенок оказался в беде, эта ответственность стала еще более острой. Дима, с его обостренным чувством справедливости, и Саша, с его прагматичным подходом к решению проблем, были моей идеальной командой для такой ситуации.

– Значит, Алексей и Вячеслав – это наши главные цели, – задумчиво произнес Саша, дожевывая кусок мяса. – Нужно будет действовать осторожно, но решительно. Наташ, ты уверена, что сможешь идентифицировать третьего?

Я кивнула, чувствуя, как внутри меня растет решимость.

– Да. По словам Алексея, это начальник местного УВД. Я видела его мельком, но прекрасно запомнила, как он лебезил и брал пачку денег, – сурово ответила я.

Дима крепче обнял меня за плечо.

– Справимся, а этого оборотня сдадим безопасникам, – уверенно ответил Дима. – Пошли вскрывать сейф. Очень мне интересно узнать, есть ли там компромат. Судя по твоему описанию, этот любитель искусства далеко не дурак. Он всех их держит за кадык. Видимо, чем-то повязал.

Его слова были полны решимости, и я знала, что он не шутит. Я чувствовала, как напряжение нарастает. Мы были в логове врага, и каждый наш шаг мог быть последним. Но в то же время, я чувствовала прилив сил. У меня надежные друзья, которые были готовы рискнуть всем ради меня. А это много значит, когда твоя спина прикрыта!

Дима приблизился к сейфу, обводя его взглядом профессионала. Замок, пусть и выглядел внушительно, не представлял для него серьезной преграды – лишь очередная головоломка в долгой череде взломанных когда-то тайн. Саша, словно тень, замер в боевой готовности. Я же наблюдала сквозь холодное стекло окна, жадно ловила каждый звук ночной территории.

Улица дышала тишиной, которую лишь изредка нарушали скользящие тени охранников. Спустя мгновения, замок поддался, издав тихий, но торжествующий щелчок. Дверца распахнулась, являя сокровища: папки с документами, тугие пачки долларов, ослепительный блеск драгоценностей. Руки Димы, проворные и уверенные, сгребали всё.

– Здесь целый клондайк компромата на местных воротил и продажных ментов, – прошептал он, демонстрируя фотографии с лицами, искаженными пороком. – Похоже, Алексей не терял времени даром, плетя свою паутину.

Саша, сдержанно улыбнувшись, кивнул.

– Иного и не стоило ожидать.

Собрав добычу, мы бесшумно покинули кабинет. В моей комнате, устроившись на полу, в полумраке, коротали время до рассвета тихим разговором.

– Все же, как вы меня так быстро нашли? – спросила с интересом я.

– Малышка, твоя мама рассказала про звонок ей в школу. Мы спросили, почему это ее встревожило. А она пояснила нам, кем является в этом городе звонивший человек. Нам показалось очень странным, что глава организованной преступной группировки заинтересовался твоей личностью. Согласись, Наташ, это ненормально, – пояснял Саша. – Мы приехали и пошли в местное казино. Там обратили внимание, что некоторые из наглых посетителей носят общие печатки. В нашем городе такие у особо приближенных к главарю. Аккуратно, по-тихому, выдернули двух носителей печаток и узнали, что у сурового босса появилась дама сердца. Да не простая, а золотая! Говорят, Суровый охрану в доме собрал немыслимую, чтобы ее никто не видел и сама не сбежала. Так, Наташка, мы поняли, что ты – та самая дама сердца. На простую женщину такой штат бандитской охраны собирать не будут.

– А как дом нашли? – удивленно спросила я. – Я хотела собрать «маяк», но здесь не из чего.

– Так эти «языки» в машине, в километре отсюда, валяются под нашей «анестезией», – засмеялся Дима. – Они и показали, где Суровый обитает. Я как усадьбу то увидел, сразу Сашке сказал, что дурак этот Суровый. Он просто наш дом на острове не видел. Нашел, чем соблазнять нашу малышку, мразь.

Дима злился, но не говорил почему. А Саша только посмеивался, смотря на него. Я чувствовала, как внутри меня нарастает волна благодарности и нежности к этим двоим. Они рисковали, чтобы вытащить меня из золотой клетки. Алексей, как же он просчитался, думая, что сможет меня удержать. Он видел во мне лишь трофей, красивую куклу, которую можно поставить на полку и любоваться. Но я не кукла, и я не принадлежу никому.

– И что теперь? – спросила я.

– Теперь? Теперь ждем этого придурка из Бельгии, Наташ, – твердо ответил Саша, – встретим и предметно расспросим, где малыш.

Дима молча кивнул, не отрывая взгляда от пола. Я заметила, как напряжены его плечи, как сжаты кулаки. Что-то его гложет, и это явно связано с Суровым.

– Дим, что с тобой? – аккуратно спросила я.

Он поднял тяжелый взгляд, полный вопроса, и сказал:

– Он тебя не успел обидеть? Я торопился, как мог, когда узнал.

– Дима, это даже обидно. Ты так плохо меня знаешь? – с возмущением спросила я.

– Я ж тебе говорил. Она сама для них опасна, просто бандиты об этом не знали, вот и сунули свои рога в топку, – Саша тихо успокоил друга.

Рассвет подкрадывался незаметно, окрашивая небо в нежные розовые тона. По договоренности с друзьями, я через час привычно вышла на пробежку и тренировку, а парни затаились в доме, исследуя арсенал оружия в цокольном этаже. Дорвались до своей страсти! Главное, я оттуда уже достала – мою любимую СВД, которая была здесь в единственном экземпляре.

ГЛАВА 16

Весь день в тишине мы изучали папки с документами. Здесь обнаружились как достаточно обыденные для криминального мира факты, так и поражающие своей жестокостью и цинизмом. Компромат был систематизирован по фамилиям и видам преступной деятельности.

Особенно много материалов было связано с импортом металлолома и леса, драгоценностями и старинными предметами искусства, большинство из которых были украдены у владельцев или куплены за копейки. В некоторых папках содержалась информация о жутких устранениях людей и их причинах. Одним словом, Суровый, словно спрут, держал в своих щупальцах не только этот город, но и простирал свою зловещую власть на множество других.

Саша и Дима изучали все досконально, раскладывая компромат по городам. Я же пристально изучала информацию на Вячеслава, мэра этого города и старшего брата Алексея. Папка с делом была на удивление тонкой. В основном, в ней содержались документы о его финансовых махинациях и взятках. Много, что напрямую связывало его с криминальным миром. Этого было вполне достаточно для того, чтобы положить конец политической карьере и отправить надолго за решетку.

Изредка обсуждая данные, мы поняли, что Суровый – это не только прозвище, происходящее от фамилии Алексея – Суров. Сама его манера ведения дел была суровой и жестокой.

Один раз за день наше уединение прервал начальник охраны, который, видимо, пытался проверить, чем я занята. Я прикинулась простывшей и сказала, что не вылезаю из постели. Он что-то написал на пейджере и исчез за дверью.

– Ты знаешь, Наташа, когда мы шли сюда за тобой «по хлебным крошкам», я даже не задумывался, что мы здесь найдем, – произнес Сашка. – Эти твари сами не остановятся. Они продолжают высасывать кровь из нашей страны. Они будут мучать и убивать народ. Мы не можем помочь всем, но в наших силах спасти многих, а главное – оградить от них своих близких.

– Я с тобой согласен, – тихо сказал Дима.

– Обратила внимание, что у них практически все машины черные. Интересно, почему они так любят этот цвет, – спокойно спросила я.

– Наташ, они же по ночам делают свои грязные дела. А вот показательные казни днем бандиты и на краденых делают, – ответил Саша. – За эти годы развала страны, да еще и прошедшая амнистия помогла, они совсем распоясались. Молодежью неопытной обросли, криминальной паутиной всю страну оплели. Ох и хлебнет народ от этого!

В комнате царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим шуршанием бумаги. Каждый из нас был погружен в свои мысли, переваривая увиденное и осознавая масштаб опасности. Я чувствовала, как внутри меня нарастает гнев и решимость. Нельзя было допустить, чтобы эти люди продолжали творить зло безнаказанно. Нужно было найти способ остановить и разоблачить их. Вячеслав, прикрываясь маской благопристойного политика, плел свои сети коррупции и вел политический пиар, который уходил в свисток, наживался на горе и страданиях простых людей.

Саша был особенно взволнован. Он ходил по комнате, заложив руки за спину, и что-то бормотал себе под нос. Его решительный взгляд говорил о том, что он готов пойти на все, чтобы добиться справедливости. Дима, вечный источник позитива и юмора, ходил хмурый, лишь изредка кивая в знак согласия с Сашей. Внутри каждого из нас бушевал шторм. Добытые нами данные были настолько ужасающими и неопровержимыми в своих фотографиях и описаниях, что кровь вскипала от невыносимой боли и ярости. Каждый метр роскоши и достатка этого дома был омыт невинной человеческой кровью. Кровью, взывающей к возмездию.

Когда именно вернется Алексей, я не знала. Вторые сутки его отсутствия шли к исходу. Поэтому мы решили, что Саше и Диме лучше всего находиться на втором этаже. В одной из гостевых комнат они устроили себе зону ожидания. Свет не включали, довольствуясь тусклым мерцанием из моей спальни напротив. С улицы дом казался безжизненным, лишь в одном окне горел свет. Внешняя охрана не должна заподозрить неладное. Мы приготовились встретить главную тварь этого города.

Время тянулось мучительно медленно. Каждый шорох заставлял нас прислушиваться. Мы ждали Алексея, но еще больше мы ждали, когда сможем освободить ребенка из плена. Я знала, что это будет непросто, что нам придется столкнуться с яростным сопротивлением этой банды, но к этому мы были готовы.

Глубокой ночью я услышала внезапный тихий скрип входной двери. Саша бесшумно, как тень, скользнул в мою комнату. Его лицо было напряжено, в глазах читалась тревога.

– Что-то не так, – прошептал он.

– Почему? – тихо спросила я.

– Потому что к любимой женщине не крадутся, как вор в ночи. Он пытается подкрасться незаметно, чтобы ты ничего не почувствовала, – пояснил Саша. – Иди, встречай его, а дальше действуй по ситуации, как мы и договаривались.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Интуиция подсказывала, что он прав. В дверях появился Дима, его лицо было серьезным, как никогда.

– Не подпускай его слишком близко. Говори только о ребенке, закливайся на нем в разговоре, – прошептал Дима, его голос звучал как предостережение. – Нам нужно быть готовыми ко всему.

Я кивнула, понимая, что времени на раздумья больше нет. Гнев и решимость, до этого бушевавшие во мне, утихли, словно дрессированные звери. Облачившись в маску безмятежности, притворяясь сонной, я ступила на лестницу.

– Привет, – мой голос прозвучал нарочито бодро. – А я думаю, кто это тут бродит! Как прошла поездка?

Алексей стоял внизу, в сумраке ночников его лицо казалось высеченным из камня. В глазах не осталось и искры той теплоты, которую я видела в последний день перед его отъездом. Он смотрел с ледяной изучающей отстраненностью и собственнической страстью. Дорогой алкоголь сочился от него горьким запахом предательства.

– Привет, любимая, – его голос был приглушен. – Слышал, ты приболела?

– Ерунда, – ответила я, стараясь не выдать ни единой эмоции, играя роль заботливой невесты. – Ужинать будешь?

Я спустилась по ступеням, приблизившись к Алексею, и прошла на кухню. Наполнила стакан соком, краем глаза наблюдая за этим преобразившимся человеком. Что-то в нем насто- раживало, чувствовалась нависшая тень принятого им решения.

– Не спится? Уже поздно. Чего бродишь по дому? – прозвучал его голос, облеченный в фальшивую заботу.

– За день выпалась, – сухо ответила ему.

Но за этой маской его внимательности скрывалось лишь намерение усыпить мою бдительность. И я это явственно ощутила.

– Это ты так в самолете напился? – язвительно спросила его.

– Нет, к брату заезжал, – нехотя ответил Алексей.

– Вячеслав приезжал ко мне на днях, – провокационно сказала я.

– Знаю. Ему не понравилось твое поведение и ваш разговор. Говорит, что бывших шпионов не бывает и вас только могила исправит, – усмехнувшись ответил Алексей. – Что у вас с ним произошло?

– Ничего. Он пытался объяснить мне, что нужно быть хорошей и послушной девочкой, – равнодушно произнесла я, пожав плечами.

– А разве мой брат не прав? – настойчиво продолжил Алексей.

– А разве я тебе что-то гарантировала? Я пока ни на что не давала согласия. Ты обещал по возвращению решить все свои дела, освободить ребенка и поговорить о нашем будущем, – сдержанно, но строго сказала я.

– Не торопи события, – медленно проговорил Алексей, и его голос звучал угрожающе низко. – Сначала мы поговорим о нас.

– О нас говорить нечего, – отрезала я, стараясь сохранять спокойствие. – Где ребенок, Алексей? Скажи мне, что с ним все в порядке.

– Слушай, Наташка, сдался тебе этот ребенок. Он вообще чужой. А я хочу говорить о нас и наших будущих детях, – возмутился Алексей.

Он подошел неторопливо, как будто на что-то решившись. Его смятение вязко ощущалось в комнате.

– Для меня не бывает чужих детей, Леша. Говори, – упрямо сказала я, смотря ему в глаза. – Мне не нравится, что ты тянешь кота за хвост. Что происходит?

– Ничего не происходит. Он немного простыл, но там брат все обеспечил, так что все нормально, – холодно ответил Алексей.

Как же тяжело было сдерживаться и спокойно смотреть на него. Это чудовище даже не понимает, что ребенок один, в чужом месте, а значит тоскует по родителям и дому. От этого может и иммунитет упасть, к тому же вчера стало прохладнее с наступлением ноября. Немыслимая жестокость с его стороны, но ребенок в руках этой банды был лишь инструментом, средством достижения цели.

– Где он сейчас? – тихо, но твердо спросила я, стараясь не выдать гнева.

Алексей на секунду замешкался, словно решая, стоит ли говорить правду. Затем, с каким-то злобным удовлетворением в голосе, произнес:

– В охотничьем доме у брата. Не волнуйся, там тепло и уютно.

«Тепло и уютно» для ребенка, оторванного от матери и брошенного в чужом доме? Меня затошнило от его цинизма. Я знала, что нужно действовать быстро.

– Я пошла спать, – спокойно ответила, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Нет, Наташа, – воскликнул он и резко схватил меня за руку. – Ты хотела поговорить. Садись.

Он указал на стул.

– Садись и слушай, – командным тоном добавил Алексей.

– Слушаю тебя, – смиренно сказала я и села куда он показал.

Мне было интересно услышать все, что он хочет сказать, и отправиться за ребенком. С этой безумной историей необходимо было заканчивать. Эта игра зашла слишком далеко.

– Наташа, я все обдумал в дороге. И пусть брат против, плевать. Он склонится перед моей волей, как и ты. Через пять лет, когда я накоплю достаточно, мы уедем из этой проклятой страны. А до тех пор мы останемся в этом доме. Ты будешь заниматься семейными заботами и нашими детьми, а я, как и прежде, делать деньги. Ты должна принять это. Ты моя жена, и твой долг – подчиняться, – отрезал Алексей, в его голосе не было места для возражений.

– Я тебе не жена. Ты выбрал свой путь, но не мой, – холодно ответила я и встала, чтобы уйти. – Алексей, ты в крови по самую макушку. Я никогда не смогу этого принять. Мы с тобой из разных миров.

– Ты моя! Я буду иметь тебя, пока ты меня не примешь, – скрипя зубами произнес Алексей.

Мужчина, говоривший до этого о своей любви, превратился в зверя. Последовал грубый рывок, и я оказалась в его руках. В каждом его движении была лишь ярость и животная жесто-

кость. Он стальной хваткой вцепился в мои волосы, запрокинул голову, пальцы сдавили мою челюсть, превращая губы в жалкое подобие птичьего клюва. Жесткий, требовательный поцелуй обрушился на мои губы, терзая и покусывая их. В тот миг, когда он отстранился, краем глаза я увидела, как его рука, до этого сжимающая мою челюсть, полезла в карман брюк. Игла шприца блеснула в ярком свете кухни. Ужас осознания обрушился на меня, и я действовала инстинктивно: сокрушительный удар коленом в пах. Алексей задохнулся от боли, скрючился, судорожно схватившись за пораженное место. Не теряя ни доли секунды, я обрушила резкий и мощный боковой удар ребром ладони в основание его шеи. Алексей без сознания упал к моим ногам, как подкошенный.

Друзья стояли в арочном проеме кухни, немые свидетели произошедшего, когда я подняла взгляд.

– Нехило ты ему всекла, – усмехнулся Димка, нарушая тишину.

Взгляд мой был холоден и пуст, как зимнее небо. Адреналин кипел в венах, но внешне я сохраняла ледяное спокойствие. Внутри, однако, бушевал ураган отвращения.

– Свяжите его в цокольном этаже. Допросим и на мягких лапах уходим, – мой голос прозвучал ровно и бесстрастно.

Саша и Дима переглянулись, шокированно смотря на лежащий на полу шприц. Я прошла мимо них, стараясь не смотреть на распростертое тело Алексея. В голове пульсировала только одна мысль – нужно умыться. Смыть с себя его прикосновения, его жестокое предательство нашей детской дружбы.

ГЛАВА 17

– Он приходит в себя, – говорил Дима из соседней комнаты. – Смотрите, как бандиты живут! Мы честно служили, а столько не заработали.

Мы заканчивали с Сашей экипировку. Бронежилеты, ножи и оружие – этого бандитского арсенала пригодились очень кстати. Мы направились к Алексею. Дима показал на открытый чемодан, где аккуратно лежали пачки долларов.

– Думаю, здесь больше миллиона, – произнес Саша, равнодушно глядя на содержимое.

Алексей выглядел ужасно, что, собственно, было неудивительно. Саша взял заранее приготовленное ведро холодной воды и вылил на него, привязанного к стулу.

– Ну привет, хозяин города, – строго сказал Дима. – У нас к тебе есть ряд вопросов. Советую на них честно ответить.

Алексей закашлялся, приходя в себя от ледяного душа и мыча от бо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.